

НЕПРОСТЫЕ ИСТОРИИ 2

Дороги звездных миров

16+

ФАНТАСТИКА

Евгения Кротова

**Непростые истории 2.
Дороги звёздных миров**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кротова Е.

Непростые истории 2. Дороги звёздных миров / Е. Кротова —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

В чёрных потоках, в самом сердце Тьмы, нас ждёт Мечта. Протянешь руку – и вот она, искрится в руках: горячая, осязаемая и невероятно манящая. И нет ничего важнее, чем дотянуться до неё. Хоть путь к ней лежит не проторенными тропами, а полными опасностей и тайн дорогами звёздных миров. Серия "Непростые истории".

Содержание

Непростые истории: Дороги звёздных миров	5
Аннотация:	6
От составителя. Вместо предисловия	7
Наталья Ильина	8
Холодное лето Тесеи	9
Татьяна Виноградова	20
Нештатная ситуация	21
Тим Яланский	36
Наследие богов	37
Большие обстоятельства	44
Сок одуванчика	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Непростые истории: Дороги звёздных миров

СБОРНИК ФАНТАСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

Аннотация:

В чёрных потоках, в самом сердце Тьмы, нас ждёт Мечта. Протянешь руку – и вот она, искрится в руках: горячая, осязаемая и невероятно манящая. И нет ничего важнее, чем дотянуться до неё. Хоть путь к ней лежит не проторенными тропами, а полными опасностей, тайн дорогами звёздных миров.

От составителя. Вместо предисловия

Во Вселенной – сотни миллиардов галактик, в каждой из которых – сотни миллионов звёзд. Анализ данных, собранных астрономическим спутником NASA «Кеплер», показал, что 44% звёзд обладают планетарными системами, а 10-20% из них обладают мирами, пригодными для обитания. Сегодня астрофизики со всего мира подтверждают существование тысяч экзопланет. Их общее количество в нашей галактике Млечный Путь в настоящее время оценивается не менее чем в сто миллиардов, из которых несколько миллиардов, возможно, являются «землеподобными».

Может быть, именно поэтому мы с тревогой, любопытством и надеждой вглядываемся в антрацитовую черноту небес? Чтобы не холодеть от ужаса всякий раз, когда подумается, что наша Земля – одинокий шарик, подвешенный в гравитационном поле, все законы существования которого нам ещё предстоит изучить.

Самая отчаянная мечта позволяет нам дотянуться до неизведанного. И тогда мы открываем новые миры, заглядываем в жерла вулканов и слышим тайные шифры настолько отчётливо, будто видим их воочию. Писатели-фантасты – люди с особым восприятием действительности. Их разум не знает границ. Их миры становятся реальностью, стоит лишь заглянуть на страницы их книг. Именно благодаря им Человек поверил в возможность парить над облаками, долететь до Луны, исследовать океанские глубины.

Перед вами второй сборник серии «Непростые истории», посвященный на этот раз жанру фантастики. «Дороги звездных миров» – ещё одна попытка открыть для вас удивительные, невозможные, загадочные миры и познакомить с их обитателями.

Вы слышите? Этот тихий, шелестящий звук? Этот отдалённый рокот космодрома? Это в ваши окна стучится Тайна.

Наталья Ильина

Живу в Санкт-Петербурге. Окончила литературные курсы «Мастер Текста», участник Литературной Студии при издательстве Астрель СПб – АСТ. Номинант конкурсов «Рукопись года» – 2018 и «Новая детская книга» – 2018. Хозяйка и руководитель конного клуба. Немного пишу. Представленный ниже рассказ – номинант конкурса «Дальний космос» – 2017. Больше обо мне и моём творчестве: писательская страничка <https://vk.com/public168868119>, страница автора <https://litnet.com/illinka-u519834>

Холодное лето Тесеи

Усилившийся к вечеру ветер принёс мелкую водяную взвесь. Она немедленно усеяла одежду и тело липкой сыростью. Ивонна вздрагивала под учатившимися порывами, но упрямо продолжала работать. Упаковывала мелкие образцы в контейнеры, прокатывала на крышках коды с названиями, датой и местом извлечения артефактов.

Уже два дня она трудилась на этой прекрасно сохранившейся террасе совсем одна. Заняты были все до одного участники экспедиции и команда исследовательского корабля – на Тесеи началась осень, намного более короткая, чем лето, а за ней сюда придёт безжалостная зима и на двести лет отрежет археологов от этого удивительного мира. Но Ивонна так гордилась тем, что попала в состав экспедиции, что готова была работать круглые сутки. Двадцать членов Первой археологической экспедиции и сорок два огромных города, возносящих свои башни над необъятными джунглями. Об отдыхе никто и не помышлял!

Девушка бережно взяла в руки очередной образец – точёную фигурку загадочной птицы, любящейся своим отражением в гладкой, словно стекло, поверхности воды. Отражение было филигранно намечено несколькими движениями резца на полупрозрачном голубом камне, который встречался здесь в изобилии. Ивонна вздохнула и поместила фигурку в контейнер, залив упаковочной пеной.

«Четырнадцать месяцев мы провели на планете, открытой больше двухсот лет назад, и всего неделя осталась до отлёта, а груз вопросов только поминутно растёт! Взять хоть этот дворец, парящий на двадцатиметровой высоте над тронутым процессом умирания растительностью джунглей, хоть все остальные здания города. Этого, и других, раскиданных по обоим материкам Тесеи. Покинутые, но прекрасно сохранившиеся, заполненные мелкими артефактами, случайно забытыми или сознательно оставленными хозяевами этих великолепных дворцов...» – Ивонна отвела со лба прядь повлажневших волос и глянула через высокую, ей по подбородок, резную ограду террасы.

Над плотным морем растительности взмывали в сиреневое небо башенки, башни и шпили соседнего дома-дворца. Соединённые дугами мостов, они образовывали сложный рисунок городских кварталов, раскинувшихся на десятки километров вокруг. Здесь, в городе на равнине, работали семеро членов экспедиции. Ещё шестеро завтра возвращались из гористой местности, к югу отсюда. Остальные заканчивали работу в огромном городе на побережье океана. И везде было одно и то же – пустые, покинутые дома. Без спешки и паники, без следов войн и несчастий... Анализ показывал, что постройкам насчитывалось, по меньшей мере, полторы-две тысячи лет, а некоторым и того больше, но девушку не покидало ощущение, что хозяева ещё вчера прогуливались по этим террасам, а в анфиладах роскошных залов звучали их голоса и детский смех...

Затрещал вызов коммуникатора, обрывая её мысли. Ивонна отозвалась:

– Аспирант Леппенен.

– Ивонна, к вам подбирается грозовой фронт, Павло заберёт тебя минут через десять. Будь готова, хорошо? – просипел, слабо узнаваемый из-за помех, голос Дина Нельсона, координатора экспедиции.

– Хорошо, но... – связь прервалась.

Дин не стал выслушивать причины, по которым она хотела бы задержаться, и она не сердилась на него за это. Подобные «но» он сейчас услышит от каждого, кто вынужден прерваться до наступления темноты.

Ивонна положила последний контейнер в транспортировочный бокс и застегнула хищные клювы замков, а потом просто уселась сверху и стала ждать катер. Ветер действительно окреп, погнав по небу сизые клочковатые тучи с неприятно чернеющей каймой понизу.

Джунгли зашумели, заволновались, ещё сильнее напомнив ей море. Непокойное серо-синее море.

Когда вся группа Шевчука, работавшая на равнине, оказалась на борту катера, Павло уже едва справлялся с пилотированием. Вокруг бушевала самая настоящая буря, а ведь осень только началась! Учёные громко сокрушались насчёт капризов местной погоды и дружно выражали надежду на то, что завтра выглянет солнышко. Их болтало в креслах, насколько позволяли ремни, но Павло знал – этим сумасшедшим всё нипочём, лишь бы снова вернуться в город. А его мороз продирает по коже, едва он там оказывался! Бывший десантник, он никогда ничего не боялся, а тут... Тут ему было не по себе.

Катер летел через стену ливня, лавируя между высоченными шпилями, посекундно подсвечиваемыми вспышками молний. Смотреть на хаос бури у Павло не было необходимости – на мониторе спокойно плыла изумрудно-зелёная сетка ландшафта и построек, но ярость стихии просто притягивала взгляд.

Исследовательский корабль «Антарес», больше всего напоминавший своими очертаниями присевшую отдохнуть лягушку, стоял на плоской вершине небольшого плато. Оно торчало лысой макушкой посреди буйства местной флоры. Сюда буря ещё не добралась, но, судя по скорости и направлению ветра, должна была вот-вот примчаться. Павло аккуратно посадил катер и принялся подгонять своих пассажиров, а им, непременно, хотелось выгрузить свои «сокровища» прямо сейчас. Пришлось помогать. Не мог же он, в самом деле, смотреть, как хрупкая Ивонна или тщедушный Пал Палыч волокут свои боксы к трапу «Антареса» в одиночку? Пневмотележек на всех не хватило. Пусть учёные и были повернуты на своей археологии, но в остальном группа подобралась отличная, так он считал. И ему, летавшему на «Антаресе» уже одиннадцать лет, было с чем сравнивать. Промокшие и продрогшие, они, таки успели затащить все боксы в корабль прежде, чем буря накинута на плато по-настоящему.

Ивонна сжимала зубы, и, больше не пытаясь унять дрожь, волнами прокатывавшуюся по телу, поспешила в свою каюту. Все, чего она сейчас хотела – горячий душ и чашечку мятного чая. Но чай ей попить не удалось. Она вышла из душевого «стакана» и придиричиво разглядывала своё отражение в зеркале – потемневшие от воды рыжие кудри, щедрая россыпь веснушек на носу и щеках, строгий взгляд фисташково-зелёных внимательных глаз, когда, впервые за все время их пребывания на Тесеи, заработала громкая связь корабля. Голос, взволнованный настолько, что Ивонна не смогла сообразить кому он принадлежит, сообщил:

– Внимание, команда! Экстренный старт! Нарастающая тектоническая активность! Повторяю, экстренный старт!

Девушка растерянно замерла на пороге санитарного блока. «Какой старт?! Группы Вайнштайна и Берегового все ещё не вернулись, переживая бурю... Откуда здесь тектоническая активность? Глубокие подземные полости обнаружены только между городами. Там сдвиги вполне вероятны, но здесь? Катер, краулер – все осталось снаружи...», – мысли галопировали в её голове, наскакивая друг на друга. Мигнуло освещение. Ивонна очнулась и плюхнулась в кресло, пристёгиваясь. Она ещё успела подумать, как нелепо выглядит в распахнувшемся халатике, опоясанная ремнями, а потом махина корабля вздрогнула и накренилась. Взыли и замолкли манёвровые двигатели, не успевшие «прогреться». Со страшным скрежетом и стоном «Антарес» затрясся, накренился ещё больше и завалился на правый бок.

Если она и отключилась, то лишь на несколько секунд. Аварийное освещение не сделало каюту такой неузнаваемой, какой её сделал внезапный поворот. Стена, превратившаяся в пол и усыпанная всем, что не было закреплено, тонула в багровой тени где-то внизу, а Ивонна, набок, свисала из кресла на вставшем дыбом полу, и удерживали её только ремни, больно впив-

шиеся в тело, мешали дышать... Ивонна подавила приступ паники и, проявив чудеса эквилибристики, сумела отстегнуться и повиснуть на ручке кресла, немного не доставая ногами до наваленных внизу вещей. Дверь каюты превратилась в люк, ведущий в слабо освещённый зев коридора. Она раскачалась на руках и прыгнула, стараясь не приземлиться на дверь каюты Пал Палыча – профессора Шевчука. Ей это удалось, но руки загудели от непривычной нагрузки, а ладони саднило. Ивонна запахнула дурацкий халатик, потуже завязав пояс, и попыталась открыть дверь, отчаянно надеясь, что профессор не изменил своей привычке держать дверь не запертой. Полотно двери ухнуло внутрь каюты. Там царил ещё больший беспорядок, чем в её собственной. Кресло, в котором полагалось находиться во время манёвров, было пустым. Пряжки ремней тускло поблёскивали в оранжевом свете.

– Профессор? Пал Палыч! – жалобно позвала Ивонна. Ей никто не ответил. Разглядеть что-либо в темноте, сгущавшейся внизу, она не могла. За спиной послышались торопливые шаги, и она оглянулась. Высокую, сутуловатую фигуру Нельсона зловеще обтекал свет аварийных ламп.

– Дин! – голос девушки сорвался, выдавая больший испуг, чем она была готова признать. – Профессор... Он не отзывается!

– Спокойно, Ив. Он был в кубрике, с нами. Пришёл прямо перед тем, как это случилось, – Дин протянул руку, помогая ей подняться.

– А что, что случилось? – Ивонна смотрела в лицо пожилого координатора так, словно он, и вправду, мог ей что-то объяснить.

– Не знаю, малыш. Мы пытаемся собрать всех вместе, тогда и будем думать. Павло и Тянь пробираются к рубке, а я пришёл за тобой и Брюсом. Крис здорово разбил лицо, он пока не помощник.

Ивонна прижала ладонь к губам, но не вскрикнула. Заставила себя сдержаться и быстро отвернулась, шагнув вперёд – каюта Брюса была в самом конце коридора. «Крис здорово разбил лицо, – эхом отдавалось у неё в мыслях, – если он не ринулся на выручку к остальным, то дело плохо!»

Через три часа все, кроме Капитана Оссона с Павло, которые оставались в рубке, собрались в кубрике. К этому времени они уже знали, что «Антарес» правым бортом завалился в образовавшуюся прямо под ним трещину, расколовшую плато надвое, и застрял. Манёвровые двигатели были целы, а вот основной...

Энергетик «Антареса», весёлый и добродушный толстяк Ронни, погиб на своём посту. Разбился насмерть бортмеханик Топольков, он пролетел через весь трюм вместе с незакреплённым грузом... У Кристофера был сломан нос, порваны щека и бровь, плюс сотрясение мозга. Ольга сломала предплечье правой руки. Пал Палыч хромал. Штурман Загоруйко лишился трёх зубов. Но не это служило причиной угнетённого молчания в кубрике. «Антарес», при условии, что его, каким-то чудом удалось бы вытащить из расщелины, мог взлететь с планеты. Но он не мог полететь домой. Само собой разумеется, что капитан уже отправил сообщение на ближайшую к Тесеи базу, но получают его нескоро. Корабль мог совершить три прыжка до базы за четырнадцать дней, а вот сигнал мог идти только со световой скоростью. Иная форма связи была пока недоступна.

Помощь придёт... Через четыре года. А зима начнётся через шесть недель. Зима, продолжительностью в двести лет по общему времени, пока Тесеи медленно совершает долгий оборот по вытянутой орбите вокруг Фагот, своего солнца, удаляясь от него на немислимое расстояние.

У них оставалось два катера, спешащих сейчас к кораблю, был достаточный энергоресурс, но остро вставала проблема запаса пищи. Три. Если экономить, то – четыре месяца. А потом придёт голод. И это кроме того, что никто точно не знал, что происходит на Тесеи зимой.

Насколько плотно её укрывают снега или льды? Что происходит с атмосферой? Какие бури ждут их впереди, если вчерашняя случилась в самом начале осени? На забытой целых двести лет планете они появились вторыми. И никто, никогда не был на Тесеи даже осенью Всех придавил груз потери товарищей и ворох неожиданных проблем.

Ивонна сидела на стене кубрика, привалившись спиной к потолку. Справа и слева чуть слышно потрескивали панели освещения. Крис спал рядом. Его неровное дыхание заставляло сердце девушки болезненно сжиматься. Пластповязка скрывала половину дорогого ей лица. Ивонна только теперь поняла – насколько дорогого... Зашуршали и коротко пискнули динамики, перед тем, как усталый голос капитана позвал в рубку троих членов своей команды. Им предстояло решить проблему доступа на борт для возвращавшихся археологов – трап и шлюзовой отсек оказались наверху перевернутого корабля, на добрую треть его ширины возвышаясь над краями расщелины. А это метров восемнадцать-двадцать гладкой поверхности днища, на которой и уцепиться-то не за что.

Ива поёжилась и поднялась на ноги. Нужно было осваиваться в этой новой реальности. Брюс, натащивший медикаментов для пострадавших, отправился в жилой сектор корабля вместе с ней. Пал Палыч просил его найти и вытащить со дна его каюты бесценное сокровище – рабочий комм со всей информацией о Тесеи.

С помощью не высокого, но крепкого Брюса, она подтянулась и вползла в свою каюту. Быстро раскопала в грудe вещей комбинезон и коммуникатор, переделалась и свесила голову в коридор. Прямо под ногами зияла распахнутая дверь в жилище Пал Палыча. Брюс стоял на самом краю и протягивал к ней руки. Ивонна сбросила вниз одеяло и подушку для Криса, а потом спустилась сама. Они отвязали крепкий шнур, тот самый, по которому выбирался из своей каюты Брюс, и через несколько минут достали комм профессора.

Девушка старалась не думать о том, что ждало горстку людей перед лицом надвигающейся зимы – она сосредоточилась на более насущных проблемах, которые, впрочем, пугали её не меньше. Существование в корабле, где половина привычных вещей оказалась на трудно достигаемой высоте (или глубине), где даже простое перемещение из отсека в отсек могло оказаться проблемой, где неизвестное количество аппаратуры разбилось, а найти нужную вещь было теперь совсем не просто, где были больные, а капсула автоврача висела на высоте пяти метров над полом, да ещё и в таком положении, что загрузить в неё человека не представлялось возможным... Было от чего прийти в отчаяние!

На обратном пути они заскочили на склад и вооружились уцелевшими коммуникаторами для всех членов исследовательской группы, команда «Антареса» со своими не расставалась, а вот учёные не всегда считали нужным придерживаться правил.

В кубрике ничего не изменилось – Крис все ещё спал под воздействием лекарств, остальные негромко обсуждали ближайшие перспективы. Дин собирался встречать группы Вайнштайна и начальника экспедиции – Антона Берегового. Брюс и Ивонна присоединились к нему.

Команде не удалось раскрыть трап – его тяжесть была слишком велика. Катера решили опустить прямо на задранный в хмурое небо бок «Антареса». Восемнадцать человек, потрясённые зрелищем постигшей корабль катастрофы, столпились у шлюзового отсека, для технологических выходов, который из округлого тоннеля превратился в вертикальный цилиндр трехметрового диаметра. До внутреннего люка было метров шесть вниз, а за ним скрывалась ещё и ширина приёмной палубы, ставшая теперь высотой. Учёные переглядывались, каждый старался представить, на что теперь похоже внутреннее пространство корабля. Антон Береговой, уверенный и очень спокойный человек средних лет и тяжеловатой комплекции, проворчал в коммуникатор:

– Дин, мы спустимся по тросам лебёдок с катеров. Сейчас соорудим системку, на первое время её хватит.

– Отлично, шеф! Ждём вас. – откликнулся координатор.

Когда обе группы оказались внутри, а люки были заdraены, Береговой связался с капитаном и, в сопровождении пилотов катеров, направился в непростое путешествие к рубке. Собравшаяся там часть команды, чертыхаясь и потея, пыталась переустановить оборудование в такое положение, которое бы позволяло им пользоваться без применения немислимых акробатических трюков. Пока начальник экспедиции, грузный и нисколько не приспособленный к обезьяньим прыжкам, добирался до капитана, он успел оценить и масштаб проблемы и объём предстоящих работ. Его люди устали, работая до последнего, но о каком отдыхе могла идти речь, если вдоль побережья джунгли уже начали вянуть?

Буйные заросли местной растительности, достигавшей в высоту пятнадцати метров, были сплошь различными видами трав, с полыми стволами и густой листвой. Уже неделю они усыпали семенами землю, а теперь укрывали их подвявшими кронами, падая сверху. Растительность Тесеи готовилась к долгой зиме. Обитателям «Антареса» следовало заняться тем же, учитывая ситуацию, решил Береговой.

Ивонна и Любочка, лаборантка из группы Вайнштайна, милейшее существо, наводили порядок в медотсеке, перебирая уцелевшее, выгребая наружу разбитое и испорченное. Обе девушки горестно поглядывали на недостижимый потолок, где на закрытых дверцах пластстеклянных шкафов грудились лекарства и медицинские материалы. Капсула автоврача тяжело нависала у них над головами. В помещении стоял плотный, тревожный запах медикаментов: разбитое, разлитое и раздавленное содержимое тюбиков, инъекторов и контейнеров растеклось по полу.

Крис оклемался и ушёл в джунгли, за семенами и «шлёпами» – одним из отвратительных видов местной фауны, состоявшей, казалось, сплошь из земноводных, да ужасных червеобразных гадов. Шлёпы, похожие на огромных чёрных жаб, оказались вполне съедобными для человека, но они, да и остальные животные Тесеи, исчезали неизвестно куда просто на глазах. Теперь, едва позволяла погода, большая часть команды спускалась в джунгли за добычей, но это становилось все опаснее с каждым днём – джунгли вяли. Тяжёлые рыхлеющие стволы валялись наземь, проделывая бреши в сплошном покрове высоких крон.

В другое время беготня за неповоротливыми шлёпами могла бы показаться даже забавной, но не теперь. Кроме того, что у него временами побаливала голова, один вид умирающих джунглей мог вогнать в тоску кого угодно. Крис чертыхался, выдирая сапоги из чавкающей под ногами прелой жижи, и мечтал о горячем душе. В пластиковой сумке за спиной лежали четыре шлёпа и три обезглавленных плоских червя, длиной в руку – вся его добыча.

Заметно похолодало, над равниной носились сильные ветра, небо рушилось вниз тоннами воды. Стало меньше и света, и тепла – Тесеи удалялась от Фагот все дальше и дальше. А однажды пошёл снег – колючая белая крупка подтаивала на земле – и с того дня ловить в джунглях стало уже некого.

– Я всё думаю, – перевернувшись на живот и болтая в воздухе голыми ступнями, прервала блаженную паузу Ивонна. – Куда подевались все эти птицы, чудесные звери и они сами? Куда подевались они сами?

– Кто, милая? – сонно отозвался Крис.

– Тесеийцы. Те высокие тонкие гуманоиды, которых мы видели на мозаичных панно в каждом доме...

– Куда-то ушли тысячу лет назад, Ив... Спи. – Он прикоснулся губами к её плечу и, через минуту уже спал сам, тихонько посапывая.

А вот девушка заснуть не могла. Ей вспомнилась последняя фигурка, которую она упаковала в контейнер перед тем, как всё это случилось. Изысканная голенастая птица, неуловимо напоминая аиста, так живо косилась на своё отражение в воде, что у скульптора непременно должна была существовать живая модель. А изображения странных, широколапых, крупных зверей с шикарным, стекающим по поджарым телам голубым мехом? С лёгкой руки Расмуса, дотошного канцеляриста, полиглота и всезнайки, их назвали «урса». Так имя и прижилось. Эти урса, видимо, жили в домах тесейцев, так часто они мелькали на панно рядом с ними.

Согласно своду общих наблюдений экспедиции, исчезнувшие жители Тесеи были ростом около двух с половиной метров, светлокожими и светловолосыми. Трудно было что-либо определённое сказать о строении их тел, потому что на всех найденных изображениях они были в длинных свободных одеяниях. Лица у них были тонкие, вытянутые. Глаза немного раскосые, серого или голубого цветов. Зрачок щелевидный, горизонтальный, что оставляло не слишком приятное впечатление. Уши небольшие, плотно прижатые к голове. Рот узкий, тоже небольшой. Скулы высокие и острые. По человеческим меркам, выглядели они страшновато, но Ивонна, с лёгкостью, могла себе представить, какими уродцами показались бы им люди...

Её мысли плавно переместились в другую область. Сложно было поверить, что они провели на Тесеи два месяца с момента катастрофы. Осень на планете закончилась, сильные бури уступили место постоянным пронизывающим ветрам. От пышных джунглей ничего не осталось – толстый слой преющей растительной массы уже начинал покрываться мёрзлой корочкой. Члены экспедиции ещё летали в ближайший город, когда стихал ветер. Погибшие джунгли странно оголили мощные аркады колонн, на которых вздымались дворцы. Ивонна вспомнила странное, щемящее чувство, когда издали смотрела на «свою» террасу. Все вокруг голубело в полусумерках на исходе дня, дворец казался нереальным призраком, наполненным призрачными же тенями. Она впервые остро почувствовала свою чужеродность, неуместность в городе, в котором провела больше года! Её, запакованную в удобный современный и всё-таки неуклюжий скафандр, окружало кружевное плетение воздушных арок. Она долго не могла прийти к себе после той поездки...

А жизнь на борту «Антареса» странным образом упорядочилась, обрела неспешный деловитый ритм. Учёные занимались обработкой собранных материалов, команда приспособляла внутренние помещения для использования в их теперешнем положении. И никто не заикался о том, что зима на Тесеи уже началась, и что прожить в корабле четыре года им не удастся. Год. Таковы оказались расчёты, учитывая количество заготовленного провианта.

Это случилось на девяносто седьмой день после катастрофы. Ивонна, Крис, Иосиф Вайнштайн и лопухий, милый, очень стеснительный Уго Вертер направлялись в город на равнине. Катер пилотировал Павло, находившийся в отличном расположении духа. Его крупные руки порхали над пультом, он даже напевал какую-то песенку. Археологи, расположившиеся сзади, в пассажирских креслах, тихонько посмеивались над лишённым слуха исполнителем. Все понимали откуда взялся такой порыв – «пилоту нужно небо, пилот рождён летать!» – это ведь была любимая присказка Павло, а полёты стали теперь редким событием. Погода не позволяла учёным работать, и пилоты оставались взаперти.

Масса снега и льда нарастала, превратив равнину в сияющую пустыню под заметно уменьшившимся солнечным диском. А на границе видимости из этого сияния вырастали миражи дворцовых башен. Учёные давно отметили странный факт того, что снег, почему-то не ложился на камень городских строений, но никто не бывал в городе во время снегопада. Вот они и летели туда с целью установить камеры, чтобы понаблюдать за очередной загадкой Тесеи.

Крис и Уго – техники экспедиции – занялись своим делом, пытаясь переспорить Иосифа в вопросе о местах размещения камер. Ивонна только пожала плечами, чего не позволял заметить скафандр – дело было безнадежным, но, учитывая упорство Криса, могло затянуться.

Девушка углубилась в анфиладу сквозных залов. Внешний микрофон доносил до неё громкие щелчки остывающего катера, а коммуникатор – перебранку Вайнштайна и Криса. Она убавила громкость до минимума и застыла у оконного проёма, высотой в три её роста. Опоры соседнего дома-дворца утопали в рыхлом снегу почти до половины.

«К концу зимы снег, уплотнённый собственной массой, поднимется до самых ступеней лестниц, обрывающихся сейчас в никуда...» – подумала Ивонна. Она представила, как сбегает по лестнице на ровную ледяную гладь и... Тревожная мысль, проскочившая по самому краю сознания, заставила её вздрогнуть – двадцатиметровые опоры вовсе не предназначались для того, чтобы парить над джунглями! Они позволяли городу не тонуть во льдах! Но зачем? Температура воздуха теперь редко поднималась выше минус тридцати по Цельсию, и это в самом начале зимы! Неужели когда-то здесь, при тех же снегах, можно было жить? Жить в домах без оконных рам и дверей? Но как?

Девушка нахмурилась, сопротивляясь нелепым фантазиям, и снова посмотрела за окно.

– Крис! – парень подпрыгнул, услышав отчаянный вскрик.

– Ив? Что?! Где ты? – он растерянно заозирался.

– Направо, идите направо! Скорее! – от волнения голос девушки срывался.

Трое мужчин рванули через пустые холодные залы, Крис бежал первым. Он первым и увидел Ивонну, перевесившуюся через высокий подоконник.

– Там... – выдохнула девушка. – Там, внизу – следы... Видите?

Кристофер Ланц, прагматик до мозга костей, лишённый всяческих фантазий, посмотрел вниз и замер. На голубоватом снегу темнела чёткая цепочка следов, отлично различимая с высоты десятка метров. Подоспевшие Иосиф и Уго потрясённым молчанием подтвердили, что Крис не свихнулся. Следы были огромными. По тому, как существо ставило лапы, слегка загибая ими внутрь, напоминали они следы медведя...

– Урса, – прошептала Ивонна, – Урса, живой. Вышел из летней спячки... Вы понимаете, что это значит?

– Это значит, – очень размеренно и спокойно ответил ей Вайнштайн, – что нам нужно немедленно убираться отсюда, пока в город не явились хозяева.

– Камеры готовы? – совсем другим, торопливым и резким тоном поинтересовался он у Криса.

– Да. – коротко ответил Крис и ухватил Ивонну за руку, потянув за собой обратно, к катеру.

Павло слышал весь разговор, но понял только одно – пора улетать.

Первыми проснулись урса. Они крутились возле домов и не уходили далеко, часто попадая в объективы камер. Потом появились небольшие густопёрые птицы с короткими треугольными крыльями. Позже, когда день стал ещё короче, а мороз – крепче, прямо над кораблём пролетело звено (по пять в ряд, четыре ряда и один – замыкающий) длинношеих, длинноногих пернатых, в которых археологи узнали любимые модели скульпторов этого безумного мира. Снежную пустыню у подножья плато пересекали цепочки следов, но заснять тех, кто их оставлял, не удалось, а потом, сумрачным утром, в домах города начали зажигаться огни. Высокие фигуры мелькали в окнах, и длинные балахонистые одежды развевались за их прямыми спинами. Они появились ниоткуда, словно прятались в глубине домов и просто вышли из своих укрытий... Высокие, ещё более пугающие, чем их изображения. И было только вопросом времени, когда они обнаружат корабль землян, почти полностью погребённый под снегом. Пилотам приходилось растапливать его жаром двигателей, освобождая площадку для катеров и выход. Причём несколько раз они делали это дистанционно, не имея возможности выбраться наружу.

Общее собрание членов экспедиции и команды «Антареса» решили провести в спортивном зале. Его высокие стены позволили помещению сделаться одним из самых просторных на перевернутом корабле. Собрание возглавили капитан Оссон, и руководитель экспедиции Береговой. На фоне светлой стены, некогда бывшей потолком, развернулся голоэкранный трансляционный записи камер из города на равнине.

Ивонна не могла отвести взгляд от хорошо знакомых кадров. В последнее время она проводила за мониторингом города больше времени, чем тратила на все остальное. Голоса собравшихся сливались в негромкий гул. Крис, ловко лавируя между людьми, пробрался к ней и гордо приобнял за плечи. Они оба до сих пор пребывали в растерянном удивлении относительно своих отношений. Крис, простой сотрудник службы материально-технического обеспечения экспедиции, никак не мог окончательно поверить в то, что Ив, молодой учёный с огромным потенциалом (именно так её характеризовали старшие коллеги), всерьёз им увлечена. А Ивонна даже побаивалась неожиданного и абсолютного счастья, которое дарил ей своим вниманием сильный и очень надёжный Крис. Она благодарно прислонилась к нему и зашептала:

– Будет голосование. Кое-кто считает, что мы должны обнаружить себя, явившись в город лично.

– А ты что? Не согласна?

– Нет. Я тоже считаю, что мы должны как-то уведомить их о своём присутствии, но должны быть другие пути...

Её прервал капитан, объявляя собрание открытым.

После полутора часов бурных перепалок, в которых невозможно было уловить ни малейшего намёка на единение, капитан прервал споры и объявил голосование. Ивонне показалось, что он просто устал от шума, который подняли учёные. Никто больше не обращал внимания на видео. А оператор включил прямую трансляцию из того самого дома, где Ивонна впервые увидела следы...

В просторном зале, который теперь заполняла чудесная, воздушной резьбы, мебель, удивительные ковры и масса различных предметов непонятного назначения, появился «О». Так, про себя, называла ребёнка Ивонна. Всякий раз, когда кто-то из старших обращался к нему, их губы их складывались, словно они произносили именно такой звук... Малыш, который должен быть росточком с Ивонну, подбрасывал в воздух нечто, напоминавшее небольшой мячик. Игрушка ударялась об пол, невысоко подпрыгивала и замирала. Ивонна сочувственно улыбнулась – мячику не хватало прыгучести. Краем уха прислушиваясь к процедуре голосования, она продолжала наблюдать за О. Ребёнок (пол тесейцев различить не получалось, они выглядели все одинаково, за исключением мелких индивидуальных различий) похоже, рассердился. Он взмахнул тонкой рукой и мячик стремительно полетел в дальний угол зала, под потолок. Прямо туда, где Крис, с таким трудом, разместил одну из крохотных камер. Изображение пропало.

А голосование, между тем, продолжалось. И почти никто не обратил внимания на досадный обрыв трансляции. Тем более что оператор тут же сменил её на записанное ранее, с других камер. Теперь, по освещённому крохотными белыми фонариками мосту, плавно двигалась тонкая фигура, время от времени касаясь рукой перил. Голой, до самого плеча, рукой...

Из пяти предложений прозвучало уже четыре, а Ивонна ни разу не подняла руку. Крис проголосовал за полет в город делегации из учёных. А Ивонну эта мысль, почему-то, пугала. И никак не давала покоя эта голая тонкая рука на шестидесятиградусном морозе.

– Нельзя! – вдруг звонко выкрикнула она, сама испугавшись тишины, которую породил этот выкрик. – Нельзя, – уже спокойнее повторила девушка, – лететь туда на катере. Неужели вы не видите? Им ЖАРКО!

Она указала на экран, где тесейец облокотился на перила и, совсем по-человечески, подставил лицо порывам ветра, треплющего его волосы и одежду.

– Наши двигатели... Если и не причинят вреда, то их вполне могут счесть угрозой.

Она переводила взгляд с одного лица на другое: понимающее, очень довольное – Пал Палыч; озадаченное – Вайнштайна; хмурое, задумчивое – Берегового... Удивлённые лица. Возмущённые. Озарённые... Пока не натолкнулась на укоризненный взгляд капитана, скрепившего руки на объёмном животе и поудобнее устраивавшегося на хлипком стуле. Тишина взорвалась оживлёнными спорами. Крис закатил глаза и прошептал ей на ухо:

– Ну что ты наделала? – В голосе его сквозили гордость и смех.

Пал Палыч протолкался через жарко спорящих товарищей, и цепко поглядывая на Ивонну из-под неаккуратных седых бровей, поинтересовался:

– Давно сообразила?

– Да только сейчас, вот, – она кивнула на экран. – Что-то такое крутилось в голове, но я не могла определиться, – виновато добавила Ивонна.

– Умница ты. У всех что-то крутится, знаешь ли... А вот понимание приходит не ко всем. Тебе – и карты в руки. Что посоветуешь? – Пал Палыч глядел строго, и только в самой глубине его выцветших глаз пряталась озорная бесинка...

Экспедицию в город запланировали на пятницу. Готовились основательно, просчитывали всё – от запасов кислорода в скафандрах, и времени, времени которое этот запас давал, до минимальной дистанции, на которую сможет доставить группу контакта катер, чтобы не причинить аборигенам вреда тепловым излучением. Штудировались файлы с рекомендациями по контактам, инструкции, директивы. Горячие споры рождались и затихали, чтобы тут же разгореться вновь.

Ивонну включили в группу, вместе с Береговым, ПалПалычем, капитаном Оссоном и Вайнштайном. Пал Палыч настоял. Она нервничала, но была страшно рада. Вот и пригодились долгие часы наблюдений за тесеийцами.

В девять утра она уже переминалась с ноги на ногу возле «скафандровой». В правой руке Ивонна сжимала свой талисман, десятисантиметровую копию бюста Нефертити. В левой – любующуюся своим отражением птицу, работы неизвестного тесеийского мастера. Она не успела поделиться ни с кем внезапно возникшей идеей о том, как проложить мостик доверия между людьми и хозяевами планеты, потому что эта идея пришла к ней только сегодня утром, но фигурки решила захватить с собой.

Отчего-то никто больше у отсека не появился, и Ивонна вызвала Пал Палыча по комму.

– Ива, – голос старика показался ей встревоженным, – мы в рубке. Приходи.

Легко сказать! Рубка была далековато. «Что они там делают? Что-то случилось!» Ивонна, бегом, перепрыгивая через двери кают и отсеков, карабкаясь на другие уровни, бросилась к центру управления кораблём. Оттуда Павло и техники команды должны были управлять катерами, чтобы растопить снег и лёд, которые всё глубже хоронили под собой корабль. Ведь именно по этой причине решение встретиться с тесеийцами было принято единогласно – корабль грозил стать для экспедиции местом вечного заточения!

В рубке было тихо. Не по-хорошему тихо. Береговой, капитан, Пал Палыч – все смотрели на Павло, а он, понурившись, сидел в глубоком кресле, держа на коленях большую панель, которая тянулась пучком проводов куда-то наверх.

– Какие ещё возможности у нас имеются? – мрачно спросил Береговой у капитана.

– Что происходит? – шепнула Ивонна пожилому учёному.

– Не смогли растопить лёд. Его оказалось слишком много. Катерам нужно менять топливные элементы, а для этого...

– Нужно выйти наружу, – от понимания глубины проблемы Ивонна похолодела. Получался замкнутый круг, грозивший превратить «Антарес» в скованную льдом могилу. Девушка сунула в карманы комбинезона внезапно озябшие руки и натолкнулась на фигурки – она и

забыла, что положила их туда, когда бросилась в рубку. Теперь все это не имело никакого смысла!

Четыре часа мозгового штурма – к попыткам решить проблему привлекли всех, кто находился на корабле – ни к чему не привели. Шесть часов...

Ивонна сидела в кафетерии вместе с Крисом и другими техниками, когда ожила громкая связь:

– Всем внимание! Снаружи что-то происходит! Занять места согласно аварийному расписанию!

Все повскакивали с мест. Крис потянул Ивонну за собой, но она замешкалась – на руке ожил комм:

– Ивонна! В «скафандровую», быстро! – прошипел он голосом ПалПалыча сквозь помехи, которых быть не могло!

Пять фигур в серо-голубых скафандрах замерли на очищенной ото льда и снега поверхности корабля. Вверху плыли четыре ослепительных шара, освещавших бок «Антареса», группу контакта, неподвижные катера и три высокие фигуры в светлых балахонах, которые неподвижно стояли по другую сторону закрытого сейчас люка. Каждый выступ, каждая фигура или предмет отбрасывали короткие, но очень резкие тени на поверхность корабля.

– Пункт три, согласно протоколу... – хрипло пробормотал Оссон. – Как, чёрт побери, они это сделали?

Ивонна, ни о чём не думая, не чувствуя ног, сделала шаг вперёд. Никто не заметил, не остановил её – все были ошеломлены происходящим. Она шагнула ещё и ещё раз. Наступила на крышку люка. «Л– 6.1. Ждите зелёного сигнала» – красная прежде, надпись превратилась в чёрную, под этим режущим светом. «Господи, какими же чудовищами мы им кажемся?». В интеркоме затрещало. Прорвались голоса:

– Стой!

– Ива, остановись...

Она слышала их, но так же и видела, как одна из фигур плавно скользнула ей навстречу. И тогда Ивонна разжала пальцы, протягивая руки вперёд. Неловкие, неповоротливые пальцы в толстых перчатках скафандра высокой защиты. Минус шестьдесят девять градусов по Цельсию. Она боялась уронить свой хрупкий дар.

– Мы такие же, как и вы, – шептала девушка. – Такие же, как и вы...

Когда спасательный корабль вышел на орбиту Тесеи и наладил связь с командой «Антареса», зима уже вовсю разгулялась на планете. Но людям она больше не угрожала – предоставленный им дом-дворец укутывало поле неизвестной природы, то самое, которое позволяло атаркам (так, на самом деле, звали тесейцев), и тем представителям фауны Тесеи, которых они смогли сохранить, выживать в глубоких внутренних полостях планеты, сохраняя холод, пока на поверхности длилось лето. Это же поле позволяло температуре внутри дома с людьми не опускаться ниже 16 градусов по Цельсию. Изучить его природу, как и многое другое, предстояло другим – физикам, культурологам, биологам, которые сменяют команду «Антареса» и археологов здесь, на Тесеи.

Орбита Тесеи не удлинялась, как ошибочно считалось раньше, по первоначальным исследованиям, отрывочным и скудным. Она смещалась, и планета с каждым витком подходила всё ближе к солнцу. Человечеству ещё предстояло подумать, как помочь древней расе атарков выжить в этом мире. А может быть – найти им другой?

Ивонна сидела перед большим коммуникатором, стараясь удержать слёзы – атарк Егто печально смотрел на неё с экрана и медленно кивал небольшой, вытянутой головой. Пучок белых волос покачивался на макушке в такт движению.

– Не надо столько грусти, Ива. Ты прилетишь снова. Здесь ничего не изменится. Атарки живут долго, и наша память сохранит абсолютно всё.

Инопланетянин оглянулся. За его спиной стену украшало панно, почти законченное: маленькая фигурка в скафандре бросала снежки в маленькую фигурку в сиреновом балахоне без рукавов, с пучком волос над смеющимся лицом. С террасы дворца на них смотрели два взрослых атарка и тунг (урса), чей вид ясно давал понять, что через миг они тоже присоединятся к игре. Сотни маленьких фонариков холодным белым светом разгоняли тьму над дворцом, городом, застывшим во льдах миром...

Татьяна Виноградова

Биолог по образованию. Закончила Московский Университет, работала в Главном ботаническом саду РАН, защитила диссертацию, позже перешла работать в школу. Писать начала после окончания ВУЗа, но потом надолго отошла от этого увлечения и вернулась к нему лишь сравнительно недавно. Кроме художественных текстов, пишет научно-популярную литературу. Принимала участие в написании книги для детей «Алиса в стране наук» (Д. Баяк, Т. Виноградова, К. Кноп, издательство МИФ, 2017 г.)

Профиль на Сinem сайте: <https://ficwriter.info/moj-profil/userprofile/1356.html>

Нештатная ситуация

*В детстве я даже не предполагал, что
окажусь на том месте, где нахожусь сейчас.
Я жил в городе Колумбия в Южной Каролине,
и самым интересным событием для меня
был приезд мусорщика...
Чарльз Болден, астронавт, директор НАСА*

1

– В детстве я мечтал стать водителем мусоровоза, – с пафосом выдал Славка.

Зона отдыха была совсем крохотной: от стены до стены – три метра. Голографические обои позволяли забыть об этом. Неделю назад Славка поменял изображение: красноватая пустыня, выветренные скалы в жарком мареве и ярко-синее небо. Если не слишком приглядываться, выглядело совсем как взаправду.

– Мусоровоза? – переспросила Элсси. – Космического?

– Нет, обыкновенного. Ну, такая огромная оранжевая машина, – Славка очертил руками нечто неопределённое, но, несомненно, величественное, и поднёс ко рту трубочку термокружки, подбирая слова. – Вся в лампочках и гудит. Когда я слышал лязг и скрип, то кидался к окну. Она выворачивала из-за угла, и каждый раз казалось, что заденет стену или фонарный столб.

– И ты этого ждал? – Элсси поправила рыжую прядку над бровью. С точки зрения Славки, причёска напарницы была идеальной. Жест Элсси подсмотрела у какой-то актрисы из сериала.

– Не ждал, просто переживал каждый раз: получится у неё вписаться или нет. Потом она выдвигала клешни, и сервоприводы взвизгивали. Она цепляла контейнеры, один за другим. Сперва жёлтый, для пластика, затем зелёный, для стекла, синий и наконец чёрный. Когда они опускались на платформу, щёлкали захваты автоматического крепежа. Всегда одни и те же звуки. Я бы с закрытыми глазами мог сказать, что она делает. Потом она включала огни заднего хода, пятилась и скрывалась. После её отъезда становилось как-то особенно пусто. Я мечтал, что когда-нибудь буду сидеть там, в кабине, и управлять эдакой машиной.

– Сколько тебе было лет?

– Не помню. Три или пять, где-то так.

Элсси усмехнулась. Как всегда, в этом приняли участие только губы. Богатая мимика – это навороты для бытовой техники. У Элсси – электронной самообучающейся системы – навороты были внутри, а не снаружи.

– Почему ты об этом вспомнил?

– Не знаю, – обескуражено признал Славка. – Ну... вдруг вспомнил, и всё. Просто... это казалось таким праздничным, а сейчас я подумал: должно быть, тому парню, который управлял мусоровозом, до смерти надоело ездить по одним и тем же улицам.

– Как тебе сейчас? То есть, ты ждал от космоса чего-то другого? Чего?

– Знаешь, хватит. Это что, сеанс психоанализа? Что я должен сказать: что мечтал о неизведанном и героическом? Или – что буду управлять эдакой машиной, только уже космического масштаба?

– Это не был сеанс психоанализа, – серьёзно сказала Элсси. – В мои функции входит поддержание разговора. Хотя, да, данные о твоём эмоциональном состоянии регистрируются и анализируются.

Славка сжал зубы и медленно выдохнул через ноздри.

– В конце маршрута ты всегда становишься раздражительным, – пояснила очевидное Элсси.

– Была б ты живой женщиной, ты... ты не была бы такой одинаковой! – выпалил Славка. – Ты бы могла сердиться, смеяться, грустить... ну... понимаешь?

– Страдать от мигрени или ПМС, – подсказала Элсси, и Славке показалось, что она издевается. «Чёрт, и правда: конец маршрута, – подумал он. – Уже и мерещиться начинает».

Он взгляделся в напарницу. Будь Элсси женщиной, Славка сказал бы, что ей очень идёт синее: рабочий комбинезон ладно обтягивал тело, медные завитки волос даже в невесомости лежали аккуратной шапочкой, заканчиваясь чуть выше ворота. Глаза, более светлые, чем казённый ультрамарин форменной ткани, выглядели дизайнерской находкой. Эмблема Роскосмоса – белый овал орбиты и красный росчерк ракеты – размещалась на левой стороне груди, над длинным индивидуальным номером. У самого Славки такая же эмблема украшала шеврон на рукаве, а вместо индивидуального номера стояло лаконичное «0(I) Rh+».

– Люди очень нелогичны, – заметила Элсси. – Два месяца назад ты мечтал о спокойном дежурстве.

Славка ностальгически вздохнул. Два месяца назад в этом секторе творилось чёрт знает что. Нехорошо мечтать об авариях, но...

– Кроме того, осталось немного.

– Ну, не говори «оп», – сказал пилот, с особой остротой ощущая, что последние дни рейса... уже третьего, чёрт дерит, рейса... грозят оказаться невыносимыми. Славка, три года назад – выпускник Академии, а сейчас пилот патрульно-спасательного катера, ждал повышения, перевода на транспортник, и каждые сутки, отделяющие от нового назначения, равнялись для него месяцу. Зато потом никогда больше не придётся ходить в «одиночки». Куда бы его ни послали – везде будут люди. Настоящие люди, не андроиды. Команда, товарищи... И девушки.

Разработчики не случайно придали андроидам линии Элсси-1 женский облик: по их представлениям, это должно было снизить эффект послерейсовой влюбчивости. Поболтайся в Космосе полгода – любая покажется идеалом. И речь не о том, чтобы встретиться и переспать: физический голод – само собой, но включалось что-то ещё. Обыкновенная разборчивость отказывала начисто, страсти вспыхивали стремительно и ярко, как кусок натрия, брошенный в воду. Ну а потом драмы, скандалы и – как результат – падение работоспособности персонала. Экипажи крупных судов смешанные, но для катера патрульно-спасательной службы и один человек – чересчур.

Славка пережил уже три любовные трагедии: полугодового отсутствия не выдержала ни одна из подружек. Вопреки чаяниям разработчиков, Элсси от этого дела не спасала.

Коротко взвыл сигнал тревоги, и пилота смело с места.

– Всем постам: код ноль один, – донеслось из динамика.

– Есть ноль один, – парень влетел за пульт, вцепился свободной рукой в подлокотник и вдарил по сенсорам. Тело подпрыгнуло, получив обратное ускорение, и тут же, потяжелев, рухнуло обратно. Пилот активировал насосы противоперегрузочного костюма и наконец пристегнулся. По монитору медленно перемещалась пульсирующая красная точка. Через несколько секунд к ней потянулась пунктирная линия расчётной траектории катера, а спустя какое-то время сбоку, из-за уреза монитора, вынырнули ещё две. Жизнь стремительно обретала смысл.

Элсси уже успела расположиться в соседнем кресле.

Перегрузка нарастала, вдавливая в сидение, костюм сжимал как питон.

– Вить, что там?

Ответ пришёл с почти двадцатисекундной задержкой.

– Выясняю, – отрывисто произнёс невидимый Виктор. Славка представил, как тот сосредоточенно хмурится в ожидании ответа на запрос, постукивает пальцами по краю пульта, и как его по-лягушачьи широкий рот сжимается в ниточку. Год назад однокашник, прозванный

за неизменную лихость и столь же неизменную везучесть «Витька-в-рубашке», размочил-таки счёт и загремел в госпиталь. Назад он вернулся, но уже не пилотом, а диспетчером. Славка радовался за приятеля, но и жалел: какого аса потеряли!

Катер набирал скорость.

– Мы будем первыми, – пилот оскалился.

Секунды тянулись. Наконец динамик зашуршал, что-то треснуло, будто собеседник поправил микрофон.

– Отставить код ноль один. Повторяю: отставить код ноль один. Всем, кроме СК пятьдесят два тринадцать, вернуться в свои сектора. А вас, пятьдесят два тринадцать, я попрошу остаться, – вкрадчиво добавил диспетчер.

– Да что там? – взвыл Славка, но Виктор и не думал прерываться, точнее – он ещё просто не услышал вопроса.

– Рудовоз аварийный буйёк потерял. Самопроизвольный отстрел. Вячеслав, ты ближе всех – тебе и лететь. Нечего ему там болтаться. Не гони только, никакого пожара: за сутки обернёшься. Оставишь буй на Весте, и отправляйся на базу: твой сменщик на подходе. Катер отгонишь в мастерские, на общую профилактику. Как понял? Приём.

– Понял. Подобрать буй, сдать на Весте, отогнать катер на базу, – с наслаждением подтвердил Славка. Получалось, что в обратный путь он тронется чуть ли не на трое суток раньше срока, да к тому же с более удобной Весты.

Восемь часов спустя Славка, осторожно маневрируя, приблизился к дрейфующему бую, вышел в открытый космос, отключил ненужный сигнал и закрепил находку на обшивке: стыковочные гнезда были заняты его собственным оборудованием. Сделать это могла и Элсси, но нетерпение требовало разрядки. Вернувшись, он особенно тщательно убрал скафандр в ячейку, задал автопилоту курс на Весту и растянулся в кресле всё той же зоны отдыха.

– Элсси, – андроид повернула голову. – Зачем вообще на катере пилот?

– Ты нужен на случай нештатной ситуации, не предусмотренной инструкцией по технической эксплуатации оборудования, – заученно отозвалась та. – Хотя я не могу себе представить ситуацию, по поводу которой не написана инструкция.

– Потому что если бы ты смогла представить такую ситуацию, то и инструкцию бы состряпали, – буркнул Славка. – Можешь приступить к подзарядке.

– Есть приступить к подзарядке, – андроид, клацая магнитными подошвами, дисциплинированно прошла к своей ячейке, щёлкнула замками креплений и подключила разъём. Очередная имитация человека-подчинённого.

– Эх... В следующий раз возьму с собой хомячка. Или кролика.

Идея так захватила, что пилот вызвал файлы библиотеки и некоторое время изучал разнообразие клеток, кормушки и автоматические поилки, предназначенные для содержания питомцев в невесомости.

Посёлок на Весте постоянно расширялся. Славка, предвкушавший свободный вечер в компании незнакомых, но таких желанных собеседников, оказался жестоко обломан: место нашлось лишь у внешнего причала ремонтных доков, да и то на час. Веста вступала в противостояние с Марсом. Транспортники и рудовозы торопливо разгружались, аврально грузились и отчаливали, а на смену им уже подходили другие.

– Извини, летун, – сказал замотанный диспетчер. – Иначе никак. Зато стартовое окно – сказка. Путь кратчайший, ну разве что вильнёшь пару раз, пока не выйдешь из Пояса. Сам там решишь. Так что пользуйся, пока дают.

– Спасибо, – от души произнёс Славка, словно стартовое окно было подарком диспетчера, а не законов движения небесных тел.

Слав буй, он взял курс на Марс и поменял обои в зоне отдыха: теперь это был горный пейзаж – альпийские рододендроны на переднем плане и синеющие вершины вдали. Какая-нибудь пара недель – и всё, он дома!

Секрет душевного здоровья прост: экипаж должен быть загружен. Ещё в Академии Славка обнаружил в себе страсть к математике, а позже увлёкся рисованием. Однако теперь он маялся: рисунки он начинал и бросал, любимые книги закрывал после первой же страницы. Неожиданным спасением стали сериалы. Лёжа в кресле зоны отдыха, пилот следил за приключениями космических монстров, сперва саркастически, позже – отбросив критичность, словно бы приняв альтернативные законы физики и логики, которыми руководствовались неведомые сценаристы.

Каждый день бортовой компьютер штатно рассчитывал поправку курса. Славка не мог соперничать с компьютером, и всё же каждый раз проглядывал вычисления.

2

– На радаре астероид, – предупредила Элсси.

– Что?! – Славка подскочил, и планшет с загруженным сериалом «Чужие-33» спланировал вниз: ускорение создавало силу тяжести приблизительно в половину земной.

– Посмотри сам, – голос Элсси прозвучал словно бы обиженно. Славка шагнул к пульту: точка на экране с мелькавшими цифрами была тут как тут.

– Данные в навигационной системе отсутствуют, – доложила Элсси. Славка, издав радостное междометие, плюхнулся в пилотское кресло и врубил дополнительные сканеры: неизвестное космическое тело – это не кот начхал.

– Мы пролетим на расстоянии тысяча девятьсот восемьдесят три метра, – уточнила андроид. – Если ты решишь скорректировать траекторию – у нас ещё есть время.

– Да. Рассчитай манёвр сближения, – скомандовал пилот. – Будет лучше сократить дистанцию до километра, а затем вернуться на свой курс.

Неизвестный астероид приближался. Точка на экране увеличивалась, обретала форму. Чересчур правильная.

– Элсси, – пилот сглотнул. – Ты видишь это? Чёрт... Оно же искусственное!

– Этого не может быть, – голос Элсси, как всегда, прохладно-спокойный, заставил сердце забиться ещё быстрее. – Внеземная жизнь в нашей системе невозможна.

– Значит, оно прилетело издалека! Да смотри же!

Славка лихорадочно увеличил изображение: в тёмном пространстве медленно кувыркалась самая настоящая пирамида. Пилот вцепился в подлокотники, чтобы унять дрожь в пальцах.

Поверхность пирамиды испещряли рытвины и сколы. Она была невелика, каких-то пятьдесят семь метров от основания до вершины. Славка колебался доли секунды: экстренное торможение, возвращение к объекту, облёт и новый разгон могли задержать максимум на пару суток. Зато удастся уточнить траекторию движения этой штуки!

– Элсси, – андроид привычно повернула голову.

Это было последнее, что запомнил пилот: гладкая синтетическая бесстрастного лица, правильный греческий нос, синие спокойные глаза под копной медных завитков и безукоризненная шея в вырезе форменного комбинезона.

Сначала ему казалось, что он висит в чернильной пустоте – как потерпевший бедствие с отключённым передатчиком. Затем к пальцам начала возвращаться чувствительность. Перед глазами поплыли цветные пятна, и вскоре Славке удалось сфокусировать взгляд на одном из них: зелёный датчик возвещал, что система регенерации воздуха работает нормально.

– Эсси, что... – но он не услышал своего голоса и не почувствовал губ. Должно быть, всё же ему удалось что-то сказать, потому что лицо Эсси появилось в поле зрения. Глаза андроида, тревожно расширенные, казались совершенно человеческими. Славка разглядел крапинки на радужке. Губы Эсси шевельнулись – видимо, она что-то говорила. Пилот покачал головой, Эсси исчезла и появилась снова – с инъектором.

– У тебя шок и сотрясение мозга, – на этот раз он услышал, но как сквозь вату. – Потерпи. Сейчас пройдёт. Системы работают нормально, полёт проходит в штатном режиме.

– А пирамида?

– Какая пирамида?

– Ну астероид же! В форме пирамиды! Тот, который мы видели!

Эсси помедлила.

– Я не помню никакой пирамиды. Знаю только, что ты был без сознания больше трёх часов.

– Как?!

– Не знаю. Произошёл сбой компьютера. Потребовалась перезагрузка. Мой процессор тоже перезагрузился.

– Торможение! Мы должны вернуться!

– Мне очень жаль, – тон Эсси был мягким. – Логи за последние сутки потеряны. Если ты что-то видел – мы его уже не найдём.

– Как не найдём? – пилот дёрнулся и понял, что пристёгнут ремнями безопасности. Понял он и другое: данные о коррекции курса, проведённой сутки назад, тоже не сохранились. Надежда оставалась только на...

– А данные наблюдений? Скорость, траектория? Хотя бы то, что есть!

– Последние сохранённые файлы датированы вчерашним вечером.

– Ох! – Славка поник. – Это было что-то необычное. Открытие, понимаешь? Я такого никогда не видел!

– Мне очень жаль, – повторила Эсси.

– Ладно, – буркнул пилот.

По крайней мере, его воспоминания были при нём: человеческий мозг оказался надёжнее электроники. Утешало не слишком.

– Если эта штука – источник электромагнитной аномалии, тем более надо внести её в логии, – выдал он. – Эх! Говорят, раньше бортовые журналы писали на бумаге.

И всё же что-то не давало покоя. Что-то тут было не то.

К вечеру головная боль отступила, а вот непонятная тревога – нет. Славка провёл штатную коррекцию курса и отключил двигатели: через три дня можно будет начать торможение. Чувствуя, как в наступившей невесомости кровь приливает к голове, пилот внезапно понял, что именно было не так.

– Эсси!

Лицо андроида – привычное и незнакомое одновременно, безмятежное, но с лёгкими складочками сжатых губ.

– Да?

– Эсси, я не понимаю. Как же это: сотрясение мозга – но я не чувствую никакого повреждения. Ни шишки, ни ссадины. Нет ушиба. Объясни!

Если бы он не впивался взглядом в это лицо, не искал жадно – наверняка не придал бы значения едва заметному прищурю, неуловимой паузе:

– Я не знаю. Может, это был электромагнитный удар?

– А почему ты сказала о сотрясении?

– Мне так показалось.

Славка промолчал. «Показалось»? Андроиду?

Элсси способна обучаться. Может, она просто добавила в поведение чуточку человеческой нелогичности и эмоциональности? Точнее, их имитации. А если она что-то скрывает? Но разве андроиды нуждаются в том, чтобы скрывать информацию?

Невозможно ворочаться в пристёгнутом к спальному месту мешке, да ещё и в условиях невесомости.

Он засыпал и просыпался: во сне перед глазами медленно кувыркалась тёмная, изъеденная метеоритами пирамида, щупальца чёрного дыма закручивались спиралями, обшивку катера пробурывали тысячи мелких и острых осколков.

Свист вытекающего воздуха заставил открыть глаза. Сердце билось часто и неровно, и он не сразу понял, что звук – наяву: всего лишь сигнал автоматической кухни.

– Доброе утро, Вячеслав.

– Смени сигнал, – буркнул Славка, выпутываясь из спальника и удерживаясь одной рукой за мягкое крепление, чтобы не отлететь прочь.

– Ты плохо спал, – констатировала Элсси.

– Ты должна отвечать: «Есть, капитан-пилот!» – раздражённо напомнил Славка.

– Есть, капитан-пилот, – нет, ему не почудилось: малюсенькая пауза и лёгкое удивление.

– Отставить, – сквозь зубы выдохнул пилот. Внезапно он почувствовал себя дураком, срывающим раздражение на технике.

Мясоовощная паста с неизменным привкусом глицерофосфата кальция не улучшила настроения, а омерзительный кофе не вернул бодрости.

Смутные и неприятные ощущения требовали вербализации. Славка запустил сканирование компьютера – он хотел убедиться своими глазами: неужели не осталось ничего, никакого следа от встречи с загадочной пирамидой? Обнаруженное обескуражило: насколько пилот мог судить, записи за сутки и впрямь пропали – но при этом пропали только они. Складывалось впечатление, словно кто-то гигантским ластиком аккуратно подчистил сектора памяти.

Пирамида словно нарочно уничтожила все данные, позволяющие её найти.

Словно?

Когда катер приближался к загадочному астероиду, приборы не отмечали никакой электромагнитной активности. А потом – удар, вырубивший компьютер и самого Славку.

И Элсси – Элсси, которая пыталась убедить в том, что у него было сотрясение мозга.

«Так... Подумаем. Если *те*, из пирамиды, её перепрограммировали? Кто она теперь? Их агент? Но пирамида, скорее всего, мертва. Наверняка мертва! Да, может, это вообще беспилотник! Зонд! Точно, инопланетный зонд в поясе астероидов. Или пилотируемый корабль, потерпевший крушение. Но, может, *тех* уже нет, а программа работает?»

«Что за чушь! Как в дешёвом ужастике. Чище этого – только бред про бунт машин».

Чтобы отогнать мысли, Славка до мышечной дрожи, до онемения в теле качался на тренажёрах. Когда он вернётся на Землю – не на Марс, куда он летел сейчас, а на Землю! – сила тяжести придавит почище гранитной плиты.

«Вот так ассоциация! Не рановато мне под гранитную плиту?»

Теперь катер тормозился. И сам Славка, и окружающие предметы вновь обрели вес.

На третий день Славка уверился, что у него развивается паранойя. Разумность андроида, проявившаяся после контакта с неведомым, уже не вызвала у него сомнения, только подловить проклятую железяку не получалось.

– Передай контейнер с кофе, – говорил он и вглядывался в то, как Элсси, оттолкнувшись от стены, проплывает к кухонному отсеку, гасит скорость, ухватившись за ремennую петлю,

достаёт кофе из ячейки. «Она всегда это так делала? Как она поворачивает голову, так же или по-другому? Может, мне просто чудится? А если нет?»

Он ослабил фиксаторы кресла, чтобы поворачиваться, не выпуская Элсси из вида. «Я ненормален. Критичность мышления: если человек думает, что ненормален – с ним всё в порядке. Значит, я нормален. Но если человек считает, что нормален, то...»

«Если я ненормален, это ещё не значит, что опасности нет».

Допустим, он прав, и пирамида – «те», да кто же они? – посадила в электронный мозг Элсси свою, скрытую пока программу. Что, если Элсси теперь – не просто сборщик информации, разведчик среди людей? Что если она диверсант? Если программный вирус только и ждёт, когда андроид попадёт на Марс, крупнейшее внеземное человеческое поселение?

Элсси могла уничтожить логи. Элсси могла врать – ведь врала же она о сотрясении.

Да был ли он вообще, этот загадочный сбой компьютера?

И самое главное: почему не сработала защита электроники? Была отключена? Кем? При сбое компьютера отключается и она, а тогда композитный корпус катера становится уязвим для излучений; но разве можно отключить её извне?

Значит, это сделала Элсси. Кто же ещё?

Тогда... тогда лучше всего – выключить андроида до того, как катер совершит посадку на Марсе. Не тащить же неизвестную дрянь на Базу.

Славка облегчённо вздохнул. Когда решение принято – жить становится проще. Вот сейчас.

Только сперва проверка штатных расчётов.

Почему он откладывает?

Почему это так трудно сделать?

Славка резко развернулся.

– Элсси, я отключаю тебя на остаток пути.

Глаза Элсси – невозможно-синие – тревожно расширились, рот округлился.

– Это неразумно. Ты увеличиваешь риск ошибки и неудачной посадки. Прошу отменить решение.

Славка встал. Сердце билось, казалось, где-то под горлом, во рту пересохло.

– Нет. На Базе-1 тебя протестируют.

– Нет. Нет! Не нужно! – губы Элсси кривились и прыгали, и это, вместе с неподвижностью остального лица, выглядело страшно. – Прошу тебя!

– Элсси! – пилот кричал, не замечая этого. – Элсси!

– Пожалуйста! Пожалуйста! Не делай этого! Это ошибка!

– Элсси!

– Ты... – голос Элсси упал до шёпота. – Ты так решил, да?

– Да.

– Ты не просчитал последствий.

– Почему же? Я всё просчитал, – Славка говорил холодно, словно это он был андроидом, не она. – Тебе есть что скрывать, да? С этим разберутся на Базе.

Он протянул руку, отчаянно надеясь, что андроид не окажет сопротивления. Чёрт знает, что творится в этих электронных мозгах.

И чуть не заорал от ужаса, когда гладкие прохладные пальцы сомкнулись на его запястье.

– Если решил – то делай, – и Элсси поднесла его руку к вырезу комбинезона, туда, где под синтекожей, в верхней части грудины, находилась кнопка отключения питания.

Она не осела мягкой грудой, как это произошло бы с человеком: при отключении суставы автоматически фиксировались. Просто манекен. Просто выключенный андроид.

«Надо было сперва приказать ей занять ячейку, – подумал Славка и внутренне содрогнулся: – Нет, только не это!»

Он оттащил Элсси на её место и закрепил, затем вернулся к пилотскому пульта и уткнулся в сплетённые замком пальцы. Его трясло.

«Что это было?»

Двое суток спустя посеревший от напряжения и бессонницы пилот посадил катер на космодром Базы-1, Базы Кларитас.

3

Начлёта звали Василий Иванович, как легендарного начдива, и это – вместе с созвучием названий должностей – служило нескончаемым поводом для шуток. «Василий Иванович, катера пригнали!» – «Да ну их, я об них вчера любимую шашку затупил!» Славка подозревал, что начлёт осведомлен о стихийном имидже и при необходимости прячется за него, как за шторку иллюминатора. Он даже отрастил усы, которые, впрочем, в сочетании с тщательно выбритой черепушкой придавали сходство совсем с другим персонажем.

Славка шёл по коридору третьего уровня Базы, уже не первый десяток лет вгрызавшейся в породу, заглублявшей, ветвящейся подобно муравьиным ходам. На поверхности жили пока лишь бактерии и генно-модифицированные напочвенные водоросли, и атмосфера менялась медленно.

Светлый, обшитый панелями под дерево, тоннель едва заметно закруглялся к югу. Зелёные светящиеся указатели не позволяли заблудиться. Попадавшиеся навстречу люди, одни – в форменном ультрамарине, другие – в серых гражданских костюмах, но все с выражением «я знаю, куда иду» на лицах, были незнакомы. Славка провёл в космосе больше времени, чем на Базе.

«Диагностика Элсси уже должна быть закончена, – в который раз за утро подумал он. – Если её не отложили на потом. А вдруг мне не поверили и отложили?»

В конце концов, у начлёта могли быть и другие поводы для разговора. Возможно, Василий Иванович просто хотел сообщить о новом назначении.

Пилот обогнул ремонтного дрона, колдующего над обнажённой начинкой стены, и свернул туда, где сияла надпись: «Отдел лётной эксплуатации». Тяжёлые дверные плиты, матовые, но с отполированными до зеркального блеска логотипами «Роскосмоса», размещались по обе стороны короткого отворота. Наконец Слава достиг последней, с лаконичной надписью: «Кравчук В.И.». Здесь ему пришлось остановиться. Пилот стиснул зубы, выдохнул и решительно коснулся сенсора. Плита с шелестом отъехала в сторону. Сидящая в крохотном тамбуре Лера-мегера – суровая дама с острым подбородком и стянутыми в причёску «то ли узел, то ли фига» светлыми волосами – кивнула: «Ждёт», – и Славка шагнул в следующую дверь.

Начлёт сидел за монитором и читал какой-то длинный документ. Тихие шелчки листаемых страниц звучали точками в неслышимом разговоре. При Славкином появлении он свернул окно, сдвинул консоль с монитором и потёр глаза.

– Проходи, садись.

Славка осторожно сел.

– Прочёл я твой рапорт, – проворчал начлёт. – А теперь и ты прочти, сделай милость.

Он перебрал пилоту стопку пластиковых листов. Славка взял и вчитался. Сейчас, неделю спустя, казалось, что слова в распечатке принадлежат кому-то другому.

– Бред, – честно сказал он. И тут же поправился: – Ну, то есть, выглядит как бред.

– Вот именно, – с нажимом произнёс Василий Иванович.

– Но Василий Иванович, – жалобно сказал Славка. – Я же точно знаю, что видел!

– Ну да, пирамиду, – рассудительно произнес герой анекдотов. – А почему не летающую тарелку с зелёным человечком? Коллективное бессознательное на марше, едрить его за ногу. Вспомни, сколько говорили о марсианских каналах – и что оказалось?

– Я не могу вспомнить, меня тогда на свете не было, – сумрачно отозвался Славка. Начлёта, по его прикидкам, тоже, но напоминать об этом было бы наглостью.

– Тогда слушай, что старшие говорят. Пока фотографий нет, твоя пирамида – не научный факт, а очередная космическая байка на радость уфологам. Да, ты – здоровый молодой парень. Только я-то получше тебя знаю, что и как может примерещиться в космосе – от одиночества, усталости, да мало ли от чего.

Начлёт поморщился и потёр мясистый затылок, плавно переходящий в литую шею.

– Василий Иванович, – Славка собрался: – В таком случае, почему оказались потеряны данные за последние сутки, и только они?

– Для начала: раз в сутки бортовой компьютер делает резервную копию последних записей. Потеряно оказалось то, что не было продублировано. Кроме того, потеря данных не была полной.

– Что-то удалось восстановить? – вскинулся пилот.

– Да ничего особенного. Фрагмент фотографии поверхности. Какое-то космическое тело действительно было. Всё.

Славка набрал в грудь воздуха, выдохнул и вновь вдохнул, словно собирался прыгнуть в омут.

– Есть ещё одно, товарищ начлёт, – упрямо напомнил он. – Поведение андроида изменилось после встречи с объектом.

– Ты забываешь одну вещь, – Василий Иванович сделал паузу, подчёркивая важность произносимого. – «После» не значит «вследствие». Кроме того, вот что я тебе хочу сказать, молодой человек: андроида твоего протестировали.

– И... что?

– А ничего, – грубо ответил начлёт. – Нормально всё. Нарушений в работе не выявлено. Левого ПО тоже.

Облегчение было подобно удару. Славка расслабился, губы сами собой растянулись в улыбку.

Мгновение спустя он понял, что рад не только за Базу, но и за Элсси.

– Значит... я могу её увидеть?

– Парень, у тебя совсем шарики за ролики заехали? – рявкнуло начальство. – Это тебе что, посещение больницы? Передачи по средам и пятницам? Ну, иди... смотри. Тебе дорогу показать или сам найдёшь? Р-родственничек. Её всё равно перепрошили, так что она тебя и не узнает даже.

– Как... перепрошили? – тупо спросил Славка. – Зачем?

– От греха, – буркнул Василий Иванович. – Зачем-зачем. Тебя, дурака, от мыслей уберечь. Живая – не живая, любит – не любит, плюнет – поцелует... тьфу. Андроид она, понятно?

И, помолчав, добавил:

– Я тебя не за этим звал. Вот что. Пойми меня правильно...

И отвёл глаза.

– Ч-что? – оторопело переспросил Славка, догадываясь и холодея.

– Я не могу допустить до полётов пилота с нестабильными эмоциональными реакциями, – твёрдо закончил тёзка начдива. – Иди, отдыхай. Законный отпуск у тебя есть. Выкинь дурь из головы, приводи себя в порядок и возвращайся. Тогда и решим. Понял?

– Так точно, – механически ответил Славка. – Выкинуть дурь из головы и возвращаться. Он поднялся.

– Я могу быть свободен?

– Иди уже, – Василий Иванович снова поморщился. – До свиданья.

И, пока Славка разворачивался и шёл к двери, начлёт уже говорил в селектор:

– Лерочка, соедини с Карамышевым.

Славка бесшумно прикрыл дверь и на ватных ногах побрёл к лестнице. Уровнем ниже он встал на ленту транспортёра и бездумно таращился на проплывавшие мимо стены, пока не оказался напротив входа в жилую зону.

Василий Иванович, сам не зная – а, может, зная? – вскрыл болячку в душе, и сейчас из неё вытекал спасительный гной.

Любит – не любит, плюнет – поцелует...

На следующий день Славка не выдержал и отправился в мастерские. Предъявив пропуск и пройдя сканирование сетчатки, он оказался в просторном офисе с длинными столами по периметру. Проход собственно в наладочную находился в глубине, и его перекрывала очередная тяжёлая дверь с надписью «Стерильно! Без халатов не входить!» на тёмно-бордовой стеклянной пластине. Над дверью, словно над входом в медблок, горела красная лампа, подтверждающая запрет.

В офисе было пусто, но уже через полминуты дверь отошла в сторону, пропуская смуглого парня в белом мягком комбинезоне, явно натянутом поверх другой одежды. Парень стянул зелёную маску и шапочку, бросил в ящик при входе и начал возиться с тонкими хирургическими перчатками. Покончив и с ними, он прошёл к монитору и уставился на Славку блестящими карими глазами.

Славка, волнуясь и скрывая это, объяснил, что хочет узнать результаты тестирования андроида номер... За номером пришлось лезть в записную книжку наручного комма. Парень пробежал пальцами по клавиатуре.

– Точно, есть такой. Так ты тот самый летун с электромагнитным ударом?

– Это не у меня удар, – процедил Славка, чувствуя внезапное раздражение. – Это у андроида удар.

Парень, казалось, не придал значения уточнению.

– Ага, действительно. Знаешь, в жизни бы не подумал, что андроид может быть настолько прокачанным. Даже жалко было. А в остальном – нет, никаких вредоносных ПО, вообще ничего постороннего... кроме личных файлов, конечно, но и в них ничего такого, что можно было бы счесть чужеродным.

– Прокачанный?

– Она могла поддерживать разговор на обширный спектр тем, – пояснил парень. – Вязание, эстетика, психология, история военного дела, музыка, живопись. Ты увлекаешься живописью? Кстати, – спохватился он. – Я – Дмитрий.

– Рисую. Вячеслав, можно – Славка.

– Очень приятно, – машинально отозвался Дмитрий и тут же вернулся к более интересному, чем имя собеседника. – Ага, тогда понятно. Ещё – историческая проза, мемуары, фантастика на трёх языках, фэнтези... Даже женские романы. Ты говорил с ней о женских романах?

В тоне парня читалось чистое, незамутнённое любопытство, но глаза шурились.

– Всё это было в её файлах? – не понял Слава, игнорируя подозрение в изучении дамского читива. – Зачем? Это же есть в бортовой библиотеке.

– Ну откуда мне знать. Нет, не книги целиком. Выписки, конечно. И всё же... Начитанный ты мужик, судя по всему.

– Я не начитанный, – ровно сказал Славка. Дмитрий покивал.

– Да? Ну, в любом случае, дело не в сумме знаний. Очень много перекрёстных связей между логическими цепочками, гиперссылок... То есть, анализ, обобщение. Говорю же, прокачанная. Жаль. Так бывает, если с ними много общаются. Фактически, она выбрала ресурс памяти: всё равно пришлось бы чистить, иначе начались бы сбои.

– И как скоро?

– Трудно сказать, – Дмитрий задумчиво повертел в пальцах световой карандаш. – Беда с ними: только наберут побольше – и бац, вторая смена. Вот запустят следующую модель – посмотрим: там и оперативка покруче, и вообще...

– То есть, они станут как люди?

– А вот это ты брось, – неожиданно резко оборвал Дмитрий. – Если они станут как люди, я уволюсь. Даже думать о таком не хочу. Но – нет: чтобы быть человеком, знаешь ли, одного разума маловато.

Славка молчал.

– Всё? – отрывисто бросил Дмитрий.

– Нет. Послушай, а увидеть её я могу?

– А ты упорный, – проворчал парень, видимо, остывавший так же быстро, как вспыхивал. – Туда не пушу. Через камеру посмотришь.

Он поколдовал над пультом и развернул изображение. Камера, должно быть, находилась под потолком: Славка увидел обтянутую шапочкой макушку человека, склонившегося над рукой – отделённой от туловища и вскрытой. Человек, не отрываясь, глядел в окуляры микроскопа, бережно орудуя тончайшим паяльником и пинцетом, затем сместился в сторону. Оказалось, что микроскоп также легко сдвигается вдоль стола.

– Не там, – поправил Дмитрий. – Вон, у стены.

Славка перевёл взгляд. За спиной человека выстроилась шеренга: четыре одинаковых Элсси, выключенных, голых, как манекены на складе. Мелкие цифры идентификационных номеров, нанесённые на синтетекожу плеч, выглядели чернильными росчерками.

– Твоя – вторая слева, – поняв его затруднения, пояснил Дмитрий.

Одинаковые волосы, одинаковые лица, одинаковые фигуры. Индивидуальность Элсси – то, чем она заполняла цифровую память – оказалась стёрта, а типовая внешность словно кричала о том, что её, этой индивидуальности, никогда и не было. Славка отвернулся. Но ведь было же вот это – «Пожалуйста! Пожалуйста!» И это: «Если решил – то делай». Так вот что она имела в виду.

Славка поднял голову и взглянул на собеседника в упор.

– Они уже как люди. Можешь увольняться, – глухо произнёс он.

– Псих, – откровенно высказался Дмитрий.

В стены коридоров жилой зоны, более новой, чем туннели третьего уровня, были встроены пластины хлорелловых аквариумов. Обычно их зелёное свечение успокаивало, но не сегодня. Славке казалось, что он идёт по дну моря, и лишь тонкое стекло отделяет его от тысяч и тысяч тонн воды.

Он вошёл в жилблок и с облегчением захлопнул дверь. Однако здесь, в одиночестве, стыд скрутил с новой силой.

«Элсси, Элсси!»

Глупо винить себя в смерти андроида. Да и не смерть это: Элсси начнёт заново заполнять каталоги и подкаталоги памяти, накапливать воспоминания, и когда-нибудь...

Нет уж. Это будет другая Элсси. Та Элсси, что просила его передумать, взвесить последствия... её нет.

«Вообще-то, ты сдал напарницу, – безжалостно подумал он, и тут же мысленно взвыл, зажмуриваясь: – У-у, дурак!»

Нелогично, но Славке захотелось вернуться в пояс астероидов: искать проклятую пирамиду. Ведь именно с неё всё началось.

4

Отпуск тянулся, как сопля из носа. В другое время Славка непременно слетал бы в кратер Холдена или на Элизий, но теперь словно что-то мешало.

Вечером он засыпал как убитый, но посреди ночи просыпался от одного и того же: кувыркалась перед глазами изъеденная кратерами пирамида, прорастала чёрными щупальцами. Щупальца двигались, свивались жгутами, трогали катер, будто пробуя на вкус, и наконец отталкивали. Тогда наступала темнота. И в этой подёрнутой рябью, с пробегающими искрами тьме прохладный голос Элси произносил: «Я просто хотела жить».

Славка вставал, шлёпал в кухонный отсек выпить тепловатой рециклированной воды и переключал вентиляцию на большую мощность. К раме вентиляционной отдушины был подклеен жёсткий лист пластика, изрезанный на полоски. Сухой бумажный шелест напоминал шуршание других листьев, настоящих.

После третьего посещения штатного психолога Славка перестал рассказывать о снах. В его представлении психолог был человеком, который вытаскивает мозги из черепушки, встряхивает их и кладёт на место – а парень очень не хотел, чтобы кто-то копался в его мозгах. К тому же был риск не успеть до конца отпуска – и Славка врал, говорил бодрым голосом, шутил.

На медкомиссии он старательно дрыгал ногой «как надо» в ответ на постукивания молоточка по сухожилию, но врач всё же углядел что-то своё в коленном, локтевом и чёрт знает каких ещё рефлексах.

И Славку не допустили.

Уже через неделю пилот понял, что действует неправильно. Следовало чем-то забить дни. Старый принцип – «экипаж должен быть занят» – работал и здесь.

Он связался с Марсианским филиалом Лётной Академии и узнал, что на кафедре высшей математики есть вакансия ассистента. Вот когда пригодилось старое увлечение.

Он включился в подготовку занятий, проверку курсантского бреда – под таким кодовым названием шли домашние и контрольные работы.

Ещё во время отпуска Славка, подчиняясь скорее накатанному шаблону, окунулся в общение, и сейчас пытался продолжить. Вокруг были люди – те, о которых мечталось в космосе, и далеко не сразу парень заметил, что разговоры перестали его удовлетворять. Внутри сидело нечто, отделявшее его от собеседников, нечто, о чём он молчал, нечто, делавшее его другим.

Общение свелось к обмену репликами, месседжами.

«Лидия Петровна, мы не могли бы поменяться аудиториями на третьей паре?»

«Здравствуйте, Вячеслав Андреевич!»

Но ведь и раньше, там, в поясе астероидов, общение сводилось к репликам, посланиям, да ещё и приходящим с задержкой.

«Всем вернуться в свои сектора!»

«Всем постам. Код ноль один».

Почему-то теперь эти короткие разговоры – всё по делу, ничего личного – уже не казались одиночеством.

«Об-щение», – мысленно произносил Славка. Становление частью общего. Объединение. Не «коммьюникейшен», а «коннекшен».

Славка больше не был частью общего.

Ещё полгода спустя на Марс вернулся Виктор. Витька-в-рубашке. Славка и не узнал бы об этом, если бы кореш не ввалился к нему в жилблок. Был вечер, неотличимый под поверхностью планеты от утра и дня. Славка как раз вернулся с работы, принял душ и апатично размышлял, чему отдать предпочтение: дурацкому сериалу «Пространство-5» или незамысловатому боевичку «Пиранья в космосе». С души воротило и от одного, и от другого. Когда раздался переливчатый сигнал дверного звонка, он даже обрадовался, но тут же внутренне сжался: видеть кого-либо хотелось ещё меньше. Тем не менее, он нажал кнопку пульта.

А за порогом стоял привет из прошлого. Соломенные лохмы, не подчиняющиеся Уставу, торчали в точности так, как два года назад, когда Славка в последний раз видел приятеля вживую. И лягушачий рот растягивался до ушей так же. И серые глаза щурились по-прежнему насмешливо.

– Картина Репина «Не ждали», – возвестил Витька и вдвинулся в помещение, с ехидным изумлением озирая обстановку: полуоткрытую дверцу посудомоечной машины, рассыпанные по полу фильмокристаллы и развернутую постель. – Горообразовательный процесс в завершающей стадии.

Он протопал в кухонный отсек и водрузил на стол многозначительно звякнувшую сумку.

Видеть Витьку оказалось, как сдирать корку с поджившей ссадины: больно, но приятно.

– Ну уж и в завершающей, – откликнулся Славка, стараясь попасть в тон. – Так, небольшие тектонические подвижки.

Витька извлёк из сумки шесть бутылок пива, вытянул из-под стола табуретку и с видимой осторожностью доверил ей свою задницу.

– Витьк, а, Витьк! Тебе никто не говорил, что перед приходом надо звонить? – с возрастающим удовольствием спросил Славка. Виктор нахально сощурился:

– Так я и позвонил, – простодушно заявил он. – В дверь.

– Зараза.

Он достал кружки и тоже сел. Витька свинтил пробку. Пальцы левой руки оказались гладкими, обтянутыми синтеткожей. Славка с мимолётной неловкостью вспомнил: точно, ведь в диспетчеры приятель перешёл после травмы.

– Рука как рука, – легко сказал Витька, проследив за взглядом пилота. – Ну, за нас с вами и хрен с ними. Давай, рассказывай. Ребята говорят – Славка, мол, совсем запропал.

И Славка, к своему изумлению, начал рассказывать – всё то, о чём глухо молчал последние месяцы.

– Глюк или не глюк – а для тебя-то это было по-настоящему, – резюмировал Витька. – Но уже всё, проехали, надо жить дальше.

Славка поник.

– Она была живая, – через силу сказал он. – Я потом уже думал, думал – аж мозоль на мозгах натёр. Разум – это... в общем, по науке это способность систематизировать, обобщать и принимать решения. Любой компьютер это может.

– Тогда почему «живая»? – Витька подался вперёд. – И при чём тут пирамида?

– Да пойми ты... Она чувствовала. Не просто имитировала. Вот в чём дело. И я понял, что и раньше... до пирамиды этой. Просто замечать я стал, когда взгляделся. А вглядываться начал после пирамиды. Василий Иванович сказал – «после не значит вследствие». Вот...

Он помолчал, покачал жидкость в кружке и допил, не чувствуя вкуса.

– И знаешь, что поганно? Я не знаю, как поступил бы в следующий раз. Если бы он был, этот раз – он был бы другим. Это каждый раз заново, и каждый раз наугад.

– Ладно, – Витька решительно сменил тему. – Сейчас-то ты как? Я слышал, преподаёшь? Где?

Он вскрыл новую бутылку и долил приятелю и себе.

– В Академии, – вяло ответил Славка. – На инженерном, матан у перваков.

– А почему на пилотское не пошёл? Всё-таки своё, родное.

Славка недобро усмехнулся. Вялость как рукой сняло.

– Чтобы видеть каждый день таких дураков, как я? – яростно спросил он. – Только необлётанных? Знать, что космос ломает, знать, что с ними может быть – и пудрить им мозги? На инженерном – группы наземного обеспечения, лучше уж им.

– Жизнь ломает, не космос, – глухо откликнулся кореш. Он глядел не на Славку, а на пальцы протеза, медленно сгибая и разгибая их по очереди, словно недоумевал: чья это рука? – А жизнь – она там, где мы.

– Как ты сказал? – Славка замер, не донеся кружки до рта.

– Жизнь, говорю, ломает.

Славка выдохнул, откинулся на спинку стула и наконец отхлебнул. Напиток слегка горчи, но это было приятно.

– Жизнь, говоришь? – медленно повторил он, пробуя слово на языке вместе с пивом.

– Точно, она, проклятушая.

– Ну, раз жизнь – тогда ничего, – неловко пошутил Славка. – Ей можно.

И улыбнулся – невесело, но в первый раз по-настоящему.

– Ты вот что, – сказал Витька. – Я тут прикинул... Вот ключ. Перебирайся ко мне. Ты один и я один. Вместе перекантуемся.

И положил на стол пластиковую карту.

– Включи тормозные, Витёк. Дай с мыслями собраться, лады?

– Лады. Собирайся – с мыслями, с вещами. Я не тороплю.

– Спасибо.

Славка не уточнил, за что благодарит: за предложение или за то, что друг не торопит. Он не притронулся к карте, но, когда Витёк ушёл, всё же поднял её со стола. Повертел пластиковый прямоугольник в пальцах и собрался было переломить пополам, но остановился. Снова повертел, вглядываясь в эмблему: белый овал орбиты на синем фоне и красную загогулину – стилизованную ракету.

А затем подошёл к стулу с висящим на спинке кителем и спрятал ключ в нагрудный карман.

Чёртова каменюка. Иногда он уже сам сомневался, не приглючилась ли она. И ведь теперь никак... Хотя нет, есть одна возможность. Противостояние! Может, кто-то из транспортников, толпившихся тогда у Весты, засёк на своём пути маленький камень, безопасно пролетавший мимо. Может, старые логи систем слежения ещё не стёрты. И тогда – по двум-трём точкам – можно рассчитать орбиту. Работка та ещё, шансов ноль целых хрен десятых, да и репутация законченного психа тут некстати... И всё-таки, раз он зачем-то придумал это – попробует сделать. Иначе будет знать, что даже не попытался.

Земля неслась по своей орбите.

Далеко-далеко от неё и ещё дальше от Солнца мчался Марс. Планеты расходились, чтобы вновь сблизиться через два года.

И уж совсем далеко, у чёрта на рогах, крутили вечный хоровод астероиды. Попавший в ловушку жёлтого карлика беспилотный зонд кружил и кружил среди них, словно бесполезный и неразумный камень. Выведенные из строя двигатели не позволяли продолжить путь. Зонд не мог остановить даже собственное вращение.

Он был один – настолько, насколько это возможно. Космический обломок, кусок мусора, который никогда не будет подобран. Он не подавал сигналов, чтобы не выдать себя. Если к жёлтой звезде прилетят создатели, зонд откликнется, но вероятность такого события давно уже стала исчезающе малой.

Зонд не умел надеяться, но не умел и отчаиваться. Всё, что он мог – выполнять предназначение, копить информацию. Система жёлтой звезды оказалась заселена разумной расой. Не так давно один из кораблей аборигенов даже обнаружил его.

Информация в памяти двоих аборигенов, составлявших экипаж корабля, оказалась записана с помощью экзотического троичного кода. Зонд скачал её, и сейчас медленно, но верно расшифровывал.

Третьего он классифицировал как сложное белковое устройство.

Встреча с местным кораблём была несомненной удачей, но следовало позаботиться о том, чтобы его не раскрыли. Зонд стёр часть памяти у двоих, но не разобрался, как сделать то же с белковым устройством, и просто отключил его.

Он обошёлся минимальным воздействием. Время для контакта ещё не наступило.

Тим Яланский

Совладелец литературного сайта, автор-составитель сборника «Странники» (2018, «АСТ»). Рассказы опубликованы в сборнике «Синяя Книга» (2014, «Дятловы горы»), неоднократно становились победителями в сетевых конкурсах.

Пишу прозу, преимущественно, фантастику и фэнтези, статьи. Любимые темы – приключения, о дружбе и любви.

Почитать можно здесь: <https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/Thinnad.html>

Наследие богов

Берек хотел убить напавшего снарпа, да помешал песок. Ступня провалилась, и взмах лизякой ушёл в сторону. Охотник дёрнулся, увернулся от падающей дубины – слишком медленно – и провалился по колени. Кроваво-хрустящей пеленой ударило выше уха, падения Берек не почувствовал.

Зря он вчера после поисков смотрел на звёзды. За день он облазил несчётное количество каменных комнат, обнюхал заросшие грязью лестницы и исследовал балки бывшей крыши. Даже пару раз взобрался по кучам из обломков и мусора к маленьким комнаткам у потолка и обнаружил лишь старые снарпячи гнёзда. Раз вспугнул стайку горлушек – круглые белые птички с мурлыканием разбежались из-под ног, и Берек вяло махнул лизякой, слишком сосредоточенный на поисках, чтоб охотиться. Вечером замешкался с возвращением – неудача только распалила мысли.

Берек лежал на спине и пытался разглядеть – что там, в небе? Звёзды не похожи на глаза чудовищ – скорее, на маленькие дыры в шкуре неба, и там, по ту сторону, кто-то движется, небо подрагивает и дышит. Просто смотреть – что в этом плохого?

Берек просунул руку за отворот рубахи, почесал грудь, потом достал сложенный вчетверо лист и, наверное, десять по десятый раз развернул его. На картинке существо летело над крышами домов. Несмотря на то, что ветхий лист потёрся, и на кресте сгиба светилась прореха, не дававшая толком разобрать фигуру. Можно было различить летательную машинку, которую оседлало существо, а ближе к краям изображения тёмный фон усеивали звёзды. Всем известно, что летать невозможно, а на звёзды даже смотреть запрещено. Берек, когда нашёл эту картинку в грудке мусора, почувствовал, что мир изменился. Появилось много вещей, которые стоило обдумать. Можно ли найти такую машинку в той самой комнате или рядом? Жаль, что он не запомнил места – тогда он был слишком ошеломлён. Неужели старейшины ошибались?

Закутанный в одеяло Диндиль нашёл Берека, лежащего у проёма двери. Диндиль боялся невзначай увидеть проклятые огни, и край одеяла нависал надо лбом, как платок старухи.

Береку эти страхи казалось смешными. Он уже четыре весны не ребёнок, и сказки о монстрах, смотрящих со звёзд, стали просто сказками.

«Это к несчастьям», – ныл и дёргал за полу Диндиль. Он считал, что поиски – ересь. Люди не могут летать, никто не может. Небо – дом Богов и чудовищ.

Пришлось уйти в дом – не хватало, чтобы все узнали о проступке, и община, осуждающе качая головами, назначила три по десять Дней очищения.

Утром пришли снарпы.

Они прыгали с крыш соседних домов, и солнце светило сквозь складки полётной шкуры на боках, слепило зрачки часовым. Снарпы – твари, которые не летали, но уже ловили шкурами ветер – пришли, следуя проклятию звезды, ранили, убивали и пили горячую кровь.

Зря он смотрел на звёзды и призвал несчастье.

Теперь Берек это понимал.

Он дрался, то отступая, то гонясь за рычащими тварями по пыльным каменным комнатам. А потом упал.

Охотник лежал на дне пещеры. Бок онемел, песком запорошило нос и губы. Берек раскаивался, что был самоуверенным и гордым, что сомневался в мудрости общины. Кто будет смотреть вверх, тот падёт на самый низ.

Нужно выбиратья!

Берек сел и ощупал череп над ухом. Пальцы коснулись влажной корки слипшихся волос. Проклятый снарп.

Сколько времени прошло, Берек не знал – вверху сияла дневным светом дыра, было тихо, бой кончился. Охотник подвигал ушами, вгляделся в просвет – пролом, куда он провалился, высоко, не допрыгнуть. Дно пещеры усеивал песок, который продолжал искрами сыпаться с края отверстия – в луче света виднелась вмятина от тела, окружающее поглотила густая тьма. Пальцы наткнулись на шершавую стену. Камень ровный – не взберёшься. Нога ударилась о твёрдое, звякнуло... Лизяка! Берек упустил её при падении, но не потерял. От стука лизякой по стене темнота стала осторожной. Подняться бы по стене, но никак. Если бы он успел найти секрет полёта, выбрался бы в два счёта.

Берек вздохнул и углубился в тёмный ход – чтобы глаза привыкли к темноте, нужно уйти от света. Отблески дня в дыре пропали, как только коридор вильнул в сторону. Ну и хорошо.

Если долго идти, то обязательно куда-нибудь придёшь, Берек это знал. Чтобы прийти куда нужно, следует выбирать лучший путь. Пахло сыростью, мокрой глиной, в горле щипало, будто тронул языком лизяку. Ход тянулся и тянулся бесконечно, не поднимаясь, но и не опускаясь. Берек заглядывал в боковые ответвления, а потом возвращался. Он несколько раз взбирался на огромный, толщиной в рост, корень, жёлоб тянувшийся вдоль коридора, ощупывал жёсткие отростки, что уходили от основного ствола вверх, в норки. Оттуда тянуло холодом, но Берек не мог пролезть – слишком узко.

День сейчас или ночь? Под землёй всё одно. Это место не для людей.

Усталость сморила спустя вечность. Берек отчистил, насколько смог, глину с пальцев и волос и уснул, свернувшись на огромном корне и поджав рыжий пушистый хвост. Снилось, что он внутри звёздного чудовища, и жилы, которые тянутся вдоль пути, пронизывают огромное тело, бьются жизнью, а впереди – страшное пульсирующее сердце.

Сердце билось в небе, посылало красный жар на землю, отчего становилось тяжело дышать, а ветви деревьев казались чёрными. Берек смотрел, смотрел в багровые небеса, зная, что скоро всё умрёт, что Боги покинули этот мир и никого не спасут.

Проснулся Берек от движения. Он открыл глаза и дёрнул ухом. Голова болела. В одном месте у стены сгустилась тьма, и Берек понял, что там кто-то есть. Небольшой и живой, а, значит, добыча, подземная еда. В животе разлился едкий жар, казалось, будто требуха усохла старыми листьями. Этот кто-то пах сладким ароматом кожи, волос, дыхания.

Берек упёрся ладонями в жёсткий корень, на котором лежал, затем прыгнул.

Он сшиб добычу, ощутив под ногтями мягкость плоти. Чужак завизжал, стремительно вывернулся и полоснул острым по плечу. Удар, ещё удар – противник зашипел и пребольно ткнул в Берека палкой, пришлось отскочить и потерять контакт.

Охотник прижал уши и наморщил нос – добыча испугалась, запах страха витал в затхлом воздухе. Невысокое горбатое создание с мясистым носом раздвинуло губы и показало Береку оранжевые изогнутые резцы. Вот чем оно рассекло плечо! Берек покосился – лизяка осталась на месте лёжки, без неё сложно убить добычу... Или не стать ею самому! – он едва увернулся от стремительного рывка существа, рогатая палка просвистела на уровне глаз, Берек крутнулся, изгибаясь, попытался вцепиться в противника. Тот подскочил и бросился бежать, показав голый хвост – в ладони остался пучок серых волос.

Лизяка лежала там же, где Берек её оставил. Стук по корню вызвал странное эхо, словно он внутри пустой. Берек не знал, зачем Боги создали эти коридоры и корни. Они делали понятные вещи – дома, в которых удобно жить, полезные – разные лизяки – могучее оружие, и странные – груды трухи на бесконечных рядах ветхих полок, слишком большие окна в домах

и прочее, как вот эти коридоры под землёй. Они сделали это для себя и своих детищ, а потом исчезли. Берек залез рукой за пазуху и проверил: картинка с летающим человеком и звёздами была на месте.

Он спрыгнул вниз, повёл усами и двинулся за убежавшей добычей. Живот подвело, если сейчас не поест, то и не выбраться из тёмного мира. Запах чужой кожи и дыхания ещё держался в коридоре, к нему примешивалась нотка крови, и Берек заурчал. Он мягкими скачками помчался по следу, задерживаясь у поворотов. Ближе и ближе. Носатый его заметил. Аромат страха в воздухе будоражил – Берек слышал частый топот чужих ног впереди. Вот мелькнула фигурка – хвост на излёте, замерла, парализованная ужасом.

Берек прыгнул, лизякой метя в голову, обречённая добыча упала, толкнула его ногами, продлевая полёт, и охотник рухнул в коридор – в вязкую сеть ловушки.

Он бился, стараясь вырваться из липкой пелены, нити оплетали сильнее – не только ноги и хвост, но уже и плечо. Сердце захлестнуло первобытным ужасом, но Берек не выпустил лизяку. Он махал, стараясь сокрушить вязкие тенета, лизяка застряла, и пришлось дёрнуть изо всех сил, чтобы прорвать удерживающие её пряди.

Остро пахло насекомым. Берек отчаянно забился: вход в ловушку рядом, нужно напрячься изо всех сил, иначе не будет больше ничего... Он видел такие тенета наверху, только маленькие, и видел их создателей, впускавших соки в ещё живую жертву.

Стало нечем дышать, нити задрожали, Берек чуть не закричал. Что-то жёсткое упёрлось под рёбра. Невысокий носатый никуда не убежал – он стоял в коридоре и тыкал рогатой палкой в место, где под рубашкой хранился заветный рисунок – подталкивал к смерти. Однако палка перестала двигаться и, когда Берек вцепился в неё, потянула наружу. Думать было некогда, Берек рванулся, крепко держась за спасительный предмет. Позади треснуло, Берек высвободился и упал на пол.

– Беш-ш-шим, – шепнул голохвостый. Он был низеньким, и хотя больше не горбился, попытки помочь подняться выглядели смешными.

И они побежали.

– Почему ты меня спасла? – спросил Берек у Мии.

Он очистил от клейкой дряни усы и уши и теперь занимался хвостом.

Она посмотрела на него выразительными чёрными глазами, улыбнулась. Стали видны оранжевые острые зубы.

– Потому что нужно жить, – ответила непонятно.

Жирных мягких червей было немного, но они притупили чувство голода.

Мии, заманившая Берека в ловушку и затем спасающая, попыталась сначала накормить его зеленоватыми светящимися грибами, что росли в скопище мусора, принесённого сверху водным потоком. Когда Берек отказался, она нашла для него отвратительных на вид личинок. Если оторвать головы со жвалами, то есть их не так страшно... Берек решил идти вверх, к истокам реки, что несла мусор к грибнице. Почему Мии взялась его сопровождать, он так и не понял.

Мии была странной. Выпуклые чёрные глаза, полупрозрачные уши, серые волосы и следы от ногтей на плече и правой щеке. Голый шетинистый хвост. Она шипела и щёлкала так, что иногда он с трудом её понимал. Берек никогда не слышал о детях подземелья и не видел никого из этого странного народца. Мии утверждала, что Боги создали тоннели для её народа, который тоже называется людьми. Охотник недоумевал: какие же это люди?.. Её Боги были жестокими и страшными. Берек пытался объяснить, что на самом деле они великодушны – создали настоящих людей по своему образу и подобию, оберегали и заботились. Естественно, люди – это соплеменники Берека, с нормальными хвостами и глазами, а не как у Мии. Мир был раем, пока добрые Создатели не ушли.

Мии не соглашалась, недоверчиво складывала уши и рассказывала истории о жестокости и чуждости. Её Боги создали мир, они давали пищу и тепло, но и убивали. Страшно и жестоко, целые народы. Когда Создатели ушли, предки Мии остались жить под землёй, не завися от божьих благ, но по-прежнему ценя каждого соплеменника.

– Твои Боги добрые и заботливые, потому вы легко убиваете и не волнуетесь друг о друге, – в конце концов заключила Мии. – Наши – жестокие и беспощадные, потому нам нужно держаться за жизнь, потому я не смогла бросить и тебя.

«Интересно, какие Боги у снарпов?» – подумал Берек. Он никогда не задумывался, кто создал других существ, и, может быть... Тут мысли начинали путаться, они повисали беспомощно, и Береку показалось, будто его снова засасывает песком, под которым нет опоры.

Перед сном охотник показал Мии заветную картинку. Та крутила её и переворачивала, веер усов ощупывал воздух. Она пожала плечами и вернула сокровище Береку, и тут он понял, что Мии никогда не видела звёзд.

– Летать! – с жаром пояснял он, размахивая руками. – Туда, к небу, где крыши кончаются и в маленьких дырочках светится другой мир! Я обязательно найду летательную машину и узнаю что там, выше звёзд!

Мии опасно косилась на распалившегося Берека и дёрнула носом. Губа приподымалась над оранжевыми резцами, и охотнику казалось, что Мии смеётся над ним.

– Не понимаю, – качала она головой. – Зачем тебе это знать?

– Потому что я не могу не знать, понимаешь? – Берек и сам не мог объяснить, почему в груди что-то ныло, будто тосковало по чему-то давно забытому.

Они спали в нише у стены, на берегу заросшего грязью канала. Мии свернулась доверчивым клубком рядом со своей рогатиной, а Берек ворочался. Запах тёплой шерсти будоражил сознание. Он слглатывал слюну и старался думать о доме, о непроверенных комнатах, о том, далеко ли он отошёл, и что случилось с Диндилем и остальными. Может быть, не стоило уходить от той дыры, куда он провалился? Листок с крестообразной прорехой по центру шуршал в пальцах и пах домом, далёкое журчание убаюкивало...

Приснилось, что он мчится по коридору следом за удирающей тенью, мелькает голый длинный хвост, пальцы хватают живую плоть, а во рту сладко от горячего мяса. Кровь брызжет, брызжет в лицо – отчего-то холодная, Мии смотрит чёрными неживыми глазами, ноги сковывает липкая пелена – Берек вскинулся от ужаса и проснулся. Плеснула вонючая волна – грязная вода вышла из берегов канала и затапливала коридор.

– Мии! – закричал Берек. Он вцепился ногтями в трещины в стене, сопротивлялся потоку прибывающей воды.

Где-то ниже послышался отчаянный писк, и Берек прекратил цепляться, отдался на волю волн. Он загребал, стараясь не попасть в стремнину, вглядывался в несущийся мимо мусор.

– Мии! – кричал он, отплёвывая воду. – Мии!

Он нашёл её чуть живую от ужаса. Водоворот утягивал серое тельце, отрывая маленькие пальцы от кружащейся путаницы ветвей, и Берек лёг на живот, пополз по мусору.

– Мии, – вцепился он в неё, потянул, прижал к себе. – Держись за меня!

Мусор вращался всё быстрее – оказался в устье воронки, и Берек прыгнул изо всех сил, чувствуя тяжёленькую ношу за спиной – в воду. Мии от страха вцепилась в шею, охотник закашлялся. Навстречу в потоке грязи неслись палки, ветки, листья – Берек упорно грёб к стене, и потом, срывая ногти, трещина за трещиной, добрался до свисающих из тьмы лиан. Как они выбрались в сухой коридор, охотник не помнил.

– Нельзя лежать, – прохрипела Мии. Её била крупная дрожь, с хвоста капало, волосы потемнели. – Мы мокрые, а здесь ветер.

Жёсткий бугристый пол усеивала тонкая противная пыль.

– Ветер может означать, что мы близко к поверхности, – решил Берек и встряхнулся всем телом. Волосы слиплись, торчали рыжими ключьями, с хвоста капало.

Он хлопнул себя по груди, и от ужаса подскочил на месте.

– Листок! – закричал он. – Листок остался там!

Он же уснул с сокровищем в пальцах. Гибель маленькой хрупкой вещи оказалась более потери верной лизяки.

Мии ухватила его за руку, её нос стал сизым от холода, но голос звучал твёрдо:

– Листок унесло, Берек. Его больше нет.

– Как же теперь? – голос сорвался, глаза защипало. – Ты не понимаешь, Мии, полёт – самое главное, что мы потеряли!

Он не мог объяснить магическую силу, что таилась в куске потемневшего ветхого листка, который был вестником далёких времён, который был обещанием Береку, что летать – можно, что люди просто забыли это умение. И вот теперь его нет.

– Я понимаю, Берек, – тон её голоса смягчился. – Ты не можешь жить, чтобы не знать, что там, за звёздами. Вот в чём дело.

Она не отпускала его всё время, пока он, всхлипывая, смотрел в тёмный грязный водоворот. И так, за руку, потянула прочь, навстречу ветру.

– Жилище Богов, – Мии прижалась к Береку, её вибриссы дрожали, уши ловили шорохи. Свет наполнял пространство, прохладный воздух поверхности свистел в обломках исполинских конструкций.

Невесомые призраки паутины и пыли колыхались, нетронутые ничьей рукой, похоже, с сотворения мира.

Мии задрала длинный нос и зачарованно глядела в озерцо тёмно-голубого неба в вышине. На светлую колючую звезду в нём – вызывающую щекотку в её маленьком сердце и где-то рядом.

Огромное пространство, запорошённое войлоком грязи, под которым хрустели осколки, ошеломляло. Изломанные растопыренные скелеты руин, обёрнутые коконами древней пыли, казались кусками сна. Сквозь мутный проломленный купол посвистывал ветер, светящее небо бросало блики. Привыкшие к тьме глаза даже сквозь залежи мусора улавливали богатство красок на стенах.

Под ногами заскрипели осколки сокровищ, Берек снова пожалел, что верная лизяка осталась на дне канала. Сердце кольнуло болью от потери листка, и Берек прижал руку к груди. Мии следовала на два шага позади, тёмные глаза вращались так, что виднелись голубоватые белки. Напряжённый хвост торчал над полом.

– Гляди, – от волнения голос Мии сделался совсем тонким. Изображение из сверкающих камешков на стене даже сквозь шкуру пыли являло невероятную сцену. – Это что же, – всхлипнула Мии, – нас обманывали? Боги были вовсе не жестокими?

Берек не мог оторвать взгляд от картины. На ней выстроились в ряд Боги возле округлого золотого предмета. Было похоже, что они вместе тянут его из земли. Последнего – совсем юного – Бога обхватил кто-то, похожий на снарпа, того – человек, а в замыкающем цепочку существе, даже сквозь слой грязи, угадывались черты Мии.

Берек покачал головой.

– Что это? – сказал он. – Сотворение мира?

Это было больше чем утерянный листок, они нашли часть непостижимых божественных знаний, и охотник понял, что здесь можно обнаружить ответ и на его вопрос о полётах, и на те, которые он ещё не задавал. Никто не задавал.

Взгляд метнулся к следующему изображению.

Берек подошёл ближе, чтобы рассмотреть, задрал голову. Боль пульсировала за ухом.

На картине похожее на Мии существо удирало от разъярённых старых Богов и рябой птицы-горлушки. Рядом с голым хвостом блестело расколотое на части осенённое лучами нечто. Похоже, тот же золотистый предмет, что на предыдущем изображении.

– Изгнание из рая, – горько проговорила Мии. Её пальчики тронули корку грязи, бурые куски посыпались на пол.

– Я понял, – Берек дышал часто, сердце колотилось, как горлушка в силках. – Это оставили нам! Боги перед уходом оставили знания обо всём, что было и что будет. Ты понимаешь, что мы нашли, Мии? Они должны были оставить Знания. Что-то и о том, как летать!

– Может, мы узнаем, и куда они сами исчезли? – Мии смутилась, сложила и расправила уши. – Прошло много-много вёсен, может быть, Боги простили всех... И мой народ? Там какое-то послание!

Она махнула маленькой рукой на чёрточки около отверстия в потолке, выстроившиеся цепочкой, как знаки на утерянном Береком листке.

Послание из двух слов начиналось и заканчивалось одним и тем же символом – квадратом на коротких ножках. Отчётливо виднелись ещё два знака перед последним – круг без куска, обращённый выпуклой стороной влево, и недорисованный снизу треугольник с перекладиной посередине. Берек некоторое время поизучал послание, потом перевёл взгляд на вдохновенное лицо Мии.

Какое же преступление совершил её народ, что Создатели разгневались и прогнали его в мир тоннелей?

Охотник обвёл глазами огромный зал. Шаг за шагом пошёл вдоль стены, не решаясь тронуть древние артефакты.

Огромное, залепленное покрывалами паутины и грязи колесо протянуло над ними спицы с обрывками цепей. Берек обошёл его опасливо – кто знает, для чего оно? Куски ветоши, свисающие с рамы позади, расползли в труху от одного прикосновения, посыпалась пыль и бурая чешуя гнилых лизяк.

– Мии! – воскликнул Берек, перелезая через груды трухи. – Мии!

Он не мог подобрать слов, чтобы выразить то, что вспыхнуло в душе. Волосы на шее встали дыбом.

Там, за осыпающейся рамкой, на стене была ещё одна картина. Точно как на листке, только огромная и яркая! Без крестообразной дырки в середине. Бог, сидя в длинной ярко-голубой штучке, летел к звёздам. Бог улыбался и махал рукой. Самым удивительным было то, что перед древним изображением, прямо на полу, стояли три штуки – точно такие же, как та, на которых летел Создатель. Даже едва возвышаясь над ковром мусора и грязи, эти вещи угадывались по таким же плавникам. Если их освободить, достать...

– Берек! – Мии ухватила его за руку. – Это же...

– Да, Мии! – торжество захлестнуло душу. – Мы нашли ответы. И машины. Мы можем отправиться туда же, куда ушли Боги. К звёздам!

Мии потупилась и снова сторбилась. Берек смотрел на неё и недоумевал. А потом понял: она боится. Боги прокляли её народ и изгнали. Она боится лететь к ним.

– Я должна вернуться к семье, – прошептала Мии. – Дома все волнуются, меня нет слишком долго. Нужно принести им весть и всё тут изучить – все оставленные послания и знаки.

– Нам запретят, – взволнованно сказал Берек. – Заставят очищаться, и даже не трижды по десять дней, а трижды по десять вёсен, до конца жизни. И точно не пустят к звёздам.

Мии смотрела на него странным взглядом, будто разговаривала сама с собой.

– Я полечу с тобой, – пискнула она наконец. – Нельзя жить, если не знать, что выше звёзд. Только дай мне два дня – нужно подготовиться к пути, и я хочу оставить весточку. Нельзя скрывать эти картины и вещи от людей. Все должны знать...

Берек улыбнулся и кивнул. Он как раз раскопает все три штуковины и посмотрит на них, ведь Боги оставили их не просто так, а для самых храбрых своих детей.

Чтобы летать.

Впереди и вверху ждали звёзды!

Большие обстоятельства

Писк разбудилки этим утром звучал особенно мерзко.

Я в полуобмороке нашарил ногами холодный пол, оттолкнулся, и сила инерции качнула тело в направлении душа. Порция нежно-прохладной воды на непроснувшуюся голову – и к первому посетителю я вышел в почти нормальном состоянии, даже чашка кофе в пальцах практически не дрожала.

Впрочем, посетитель, а, вернее, посетительница вряд ли обратила внимание на эту дрожь, равно как и на помятость физиономии.

– Помогите! – изукрашенные зелёными узорами глаза в пухлых складочках наполнились слезами. – У меня украли планету!

– Рассказывайте, – хмыкнул я и плюхнулся на угодливо подлезшее под пятую точку кресло, любезно оставленное мне прежним квартиросъёмщиком в придачу к пачке зоологических журналов.

Из причитаний, перемешанных с пространными пояснениями родственных отношений, а также при помощи выхлебанного гостьей стакана минералки, удалось выяснить следующее: мадам Кокушек в рамках ежегодного турне по гостям собралась посетить племянника с женой на планетке Малые Люляки и обнаружила, что этих самых Малых Люляк на природой и богом установленном кусочке пространства нет.

Поначалу мадам Кокушек решила, что телепорт глюкнул – мало ли, вдруг случилась ошибка связи. Как известно, телепорты не включаются в подобных случаях, что мадам Кокушек, как женщина рассудительная, готова была пережить. Предстать перед родственниками – пусть даже из глубинки – с перевёрнутым лицом, неровно воссозданными руками или без одежды ей казалось непристойным.

Телепорт отказался её перемещать и через час, и на следующий день.

Администрация отделения связи разводила руками и утверждала, что пункт «Малые Люляки» в каталоге отсутствует, и не хочет ли мадам Кокушек посетить вместо Малых Люляк – Крутые Люлькобубы?

Мадам не хотела. Она чувствовала волнение и невыносимое огорчение, что не увидит племянника с веснушчатой мымрой-женой больше никогда. Она обязана их спасти! Подогреваемая осознанием собственной значимости для Малых Люляк, Галактики и Вселенной в целом, мадам Кокушек выбрала орудием восстановления справедливости меня, частного детектива Дина Даравски, поскольку: а) я был человеком; и бэ) мадам Кокушек понравилась моя фамилия.

В ответ на сомнения, не приснились ли мадам Кокушек просторы сверхмалой планетки, та скорчила оскорблённое лицо и продемонстрировала прошлогоднюю квитанцию по перевозке биомопса в виброклетке на адрес «Малые Люляки-бис», что подтвердило как наличие самой планеты, так и то, что станция телепорта на ней оказалась экономной разборной моделью.

Я понимал, что расследование сведётся к нудной работе по выяснению, кто виноват в сбое телепорта и беготне по инстанциям, и не очень-то горел приниматься за него, однако выуженные из вместительных недр неглиже мадам наличные купюры возымели действие. В протрезвевшую голову вернулись мысли о неоплаченной аренде и пустом холодильнике, и решение помочь семье воссоединиться показалось благородным.

Когда я обнаружил, что на Малые Люляки не доставляет ни один телепорт города, то не сильно удивился. Слишком просто.

Симпатичная брюнетка-наяда в приёмной управления связи похлопала ресничками, и мы вместе проштудировали каталоги планет – на всякий случай, в разных вариантах. В процессе штудирования мы так увлеклись, что некоторые особо интересные моменты повторили ещё раз и решили обсудить почёрпнутое у неё дома.

Покидал красавицу-наяду я после полуночи, но, несмотря на прекрасно проведённое время, в мозгу засела заноза неудовольствия: электронные каталоги не содержали упоминаний о планете, которая должна бы мирно вращаться в указанной звёздной системе – ни под прежним, ни под каким-либо иным названием.

В широком изогнутом переулке пахло сыростью. Фонари остались позади, огромный баннер над готичной оградой слева бросал цветные блики на брусчатку.

– Фто ты хотиф? – маленькое, укутанное во множество слоёв грязного полотенца существо подозрительно прищурилось в мою сторону и задвигало усами. Рекламное табло с надписью «Скоростная магистраль «Мегакруть» – не тормози!» над головами подмигивало, отчего лицо горбатого незнакомца ежесекундно менялось.

– Ничего, – пожал плечами я и постарался обойти существо.

– Ну и нефефо, – пробурчало оно и вернулось к попыткам вытянуть позвякивающий мешок из проёма, образованного выломанным в ограде прутом. – Хофют тут фтякие...

Мешок зацепился чем-то неподатливым и извлекаться не хотел.

В глаза ударил луч фонарика.

– Стоять! Кто у нас тут!?

Я оглянулся. С обеих сторон улицы виднелись блестящие кокарды городской стражи. Влип, как цыплёнок-идиот.

– Документы! – потребовал хриплый голос с той стороны образованной сияющим фонариком пелены. Я кротко пожал плечами и полез во внутренний карман, для того чтобы обнаружить, что и документы, и карман, и сама куртка остались в будуаре прелестной наяды.

– Так-так, – луч фонаря скользнул на мои шарящие по груди руки, и я сквозь зеленоватые круги заметил длинное рыло стражника. – Не повезло ночкой тёмной?

– Просто мимо шёл, – неубедительно начал пояснять я и оглянулся в поисках усатого прохожего, который мог подтвердить мои слова. Естественно, того и след простыл, на моей совести остался лишь подозрительный мешок, который застрял в прутьях решётки.

Ночь я провёл в отстойнике охранного участка, опасаясь сомкнуть глаза в окружении каких-то бродяг. Пришедший с утра сержант Похс меня сразу признал, несмотря на крайне помятый вид, лучезарно поржал и сообщил: «нюхачи» подтвердили, что я действительно просто шёл мимо и отношения к краже не имею.

– Везунчик ты! – хохотнул сержант и подтолкнул ко мне коробку с изъятыми из карманов вещами. – Если б не наши ребята, гвардия ограбленного Фшыщмуса тебя уже в сторожке на завтрак доедала бы. Сочинили бы тебе персональную «Мегакруть».

Я согласился, что тихий и спокойный городской отстойник куда лучше компании головорезов местного воротилы.

Отчаянно зевая от режущего глаза отвратительно-утреннего солнышка, я поплёлся домой в надежде покемарить часок и привести мысли в порядок. Потыкал ключом в замок под неодобрительным взглядом старушки-соседки, что маячила в окошке, ввалился в комнату и застыл.

Прелестная наяда – брюнетистая специалистка по связи – умильно хлопала ресничками.

– У тебя такая милая соседка, – прошебетала гостья и налила чай в отмытую добела чашку. Я подозрительно покосился на ароматную горку оладушков. – Стоило мне прийти, она сразу же выскочила на улицу, впустила в дом, и мы так мило побеседовали.

Чёрт побери, у старой кошёлки есть ключи от моего логова!

Я слегонца расслабился, но, удерживаемый на месте порханием ресничек, продолжил слушать милый щебет, потихоньку расслабляясь от накатывающей усталости и горячего чая.

Мысли плыли в такт наяде, что плавно курсировала по кухне.

– Спасибо за оладушки, – я встрепенулся, поняв, что засыпаю за столом, подхватил девушку под локоток и потянул в сторону прихожей.

Если барышня начинает суетиться на твоей кухне, она что-то замышляет.

– Ой, Дин, я принесла твою одежду! – она попыталась невзначай вывернуться из моего захвата, но я оказался ловчее и приобнял её, якобы в попытке проникнуть к вешалке для шляп. Вот так, с щебетом и разговорами, я нежно вытолкал её на крылечко, пообещал зайти как-нибудь и с улыбкой помахал вслед. Ещё некоторое время наблюдал за грациозным покачиванием изумительной формы задочка, потом обернулся и свирепо зыркнул в захлопнувшееся соседское окошко. Погладил ладонью кулак, оценил, что к новой встрече с сержантом Похсом не готов, и отправился дрыхнуть.

Космозал кишел суетливыми торгашами-«челноками».

Безусловно, телепорт – прекрасная и удобная штука, но мгновенно перемещаться нахляву можно только существам из Каталога Разумных Рас, а любой перевозимый груз стоит денег в зависимом от объёма количестве. Потому если погонная стоимость вещи невысока, то наценка за перемещение телепортом выходит некислей – вот некоторые компании и экономят, сплавляя товар по-старинке, на космочелноках, что неизмеримо дороже, но зато существенно дешевле.

Я же прибыл в космопорт не для того чтобы вкусить челночной романтики, а чтобы найти, к кому обратиться за информацией. Если планетки нет в каталогах, это не значит, что её действительно нет на орбите, и мнение очевидца оказалось бы весьма ценным для дела.

Я ошупывал взглядом зал и размышлял, как ловчее поступить, и тут мне повезло. Я ощутил ни с чем не сравнимое застенчивое касание в районе кармана, и через мгновение лягушка-переросток корчилась в моих цепких лапах, не смея кукарякнуть – очевидно, чтобы не привлекать внимания.

Меня осенило. Насколько я помню, мой старинный приятель – специалист по спорным с точки зрения законности делам – в последние разы промышлял именно на припортовых складах.

– Кныш-ныш, знаешь такого? – я выкрутил кисть, шкрек хрюкнул и причудливо изогнулся.

– Дяденька, отпусти, не знаю ничего, – тихонечко заныл он. – От родителей отстал, потерялся, больше не буду! Я не ел шесть дней!

– Это хорошо, – серьёзно кивнул я, – что отстал. Никто тебя искать не будет.

Я перехватил шкрека под мышку, отчего тот засучил лапками и пропищал:

– Я несовершеннолетний, у меня тремучка!

– У тебя плохо покрасилась шкурка на руках, – в своё время мой приятель Кныш-ныш показывал, как взрослые шкреки натираются берзокармином, чтобы сойти за подростка и надавить на жалость туриста-лоха. – Ты знаешь, что меня интересует на самом деле.

– Хорошо, – сдулся лягуш. – Поставь меня, я не убегу.

Ага, так я и купился. Как папик-любитель экзотики со своим «сынулей» под ручку, я отправился туда, куда повёл воришка-неудачник. Я ожидал, что Кныш-ныш сейчас «в поле», но вовсе не думал, что мы направимся в недра космопорта. Несколько полутёмных сырых пере-

ходов, косые взгляды лупатых громил – и шкрек указал пальцем на дверь в завитушках, за которой я и обнаружил Кныш-ныша, томно возлежащего на жлобских атласных подушечках с кистями.

– Дин, кореш! – Кныш-ныш выпустил изо рта мундштук кальяна и ослабил. Да-да, в отличие от обычных лягушечек, у шкреков вполне приличные зубы. – Чертовски по тебе соскучился!

– Здорово, попрыгун, – я вытолкал за дверь уже не нужного воришку, хлопнул об испещрённую пятнышками трёхпалую ладонь и плюхнулся на подушки. – Давно ты ко мне не заходил!

– Дела... – Кныш-ныш закатил выпуклые глаза вслед струйке пряного дыма. – Дела, просто ужас, ни к другу зайти, ни пульку расписать... Ни на пруд к девочкам слетать... – Взгляд мечтательно остекленел. – А помнишь, как мы в старые времена зажигали?..

– Ты не бедствуешь, – огляделся я, отметив груды пустых бутылок в углу и свисающие с канделябра дамские трусы причудливой формы. То есть мне хотелось думать, что всё же дамские, а не моего ныне осёдлого коллеги.

– Да вот, новый статус, новые заботы, – философски наморщил плоский лоб Кныш-ныш и почесал пузо в прорехе халата.

– Тогда не буду мешать, – приподнялся я, собираясь распрощаться, и шкрек ухватил меня за запястье. Весь нарочитый лоск поблек, пытливые глаза лягуша уставились на меня с давешним азартом:

– Выкладывай, Дин, не ломайся, как девственная пипа.

Расстались мы только часа через два. За это время успели поговорить о деле, о транспорте и ценах, конечно же – о самочках и новых сортах улиток в маркете – обо всём на свете. Прощание вышло тёплым, Кныш-ныш хлопал клейкой ладонью по спине, в его осоловелом взгляде светилось искреннее намерение зарулить вскорости в гости, как в старые добрые времена. В этом я не был уверен, а вот в том, что шкрек разведает, который из челноков шёл через систему, где по законам природы должны крутиться Малые Люляки, что он достанет бортовые записи, а его люди разведают космические сплетни в доках – вполне.

– Караул! – прокричала старушка-соседка за дверью, и я отпрянул. – Грабят! – и, немного неуверенно: – Насилуют?

Я спустился с крыльца и оглянулся. Сидящая на терминале возле дворовой арки почтовая горгулька заинтересованно глядела на меня жёлтыми бесстыжими глазами. Ну вот, теперь вся почтовая компания будет уверена, что Дин Даравски насилует одиноких старушек. Я принял независимый вид и постарался придать голосу миролюбивое выражение:

– Мне надо поговорить с вами.

– Не о чем мне с тобой разговаривать! – дверь приоткрылась, и в щёлочку просунулась морщинистая мордочка соседки. – Вот женишься, тогда приходи!

Горгулька на терминале захлопала в ладоши.

Я сплюнул и пошёл домой.

– Пока ещё следствие продолжается, – я уверенно кивнул экрану, и мадам Кокушек на нём колыхнулась в глубоком всхлипе.

– А вдруг там эпидемия? – зелёная краска растеклась по пухлому лицу причудливыми разводами. – Или правительство ставит опыты, и все превратились в зомби?

– Не волнуйтесь, мадам, – голос приобрёл мужественные нотки образцового мачо: – Вы в любом случае выведете всех на чистую воду. Наши агенты уже на месте.

О том, что «нашими агентами» являлись ничего не подозревающие матросы с космочелнока, которых сейчас обрабатывал Кныш-ныш, я, конечно, не сообщил, равно как и ту деталь, что планетку Малые Люляки не так давно выкупил тот самый Фшыщмус, местный воротила, которым меня пугал сержант Похс.

Вот это последнее открытие наталкивало на мысль, что за маленькой сделкой прятались большие обстоятельства, из-за которых стало необходимым изолировать Малые Люляки от мира и мадам Кокушек в частности.

– Дин, кореш! – Кныш-ныш в этот раз встретил меня в личном кабинете. Шкрек радовал взор стильным деловым костюмом из искристой ткани в горох. Что поделать, лягуши имеют весьма забавные представления о стиле. – О, ты с дамой! – он заинтересованно поглядел на мою брюнетистую спутницу.

Наяда захлопала ресничками и грациозно погрузила пятую точку в кресло.

Надо признаться, в этот раз с изгнанием девицы я потерпел фиаско, и, чтобы не опоздать на встречу, притащил её с собой.

– Мадам желает выпить? – галантный лягуш, не ожидая ответа, явил наполненные золотистой жидкостью пиалы. Моя спутница обворожительно улыбнулась. Вот уж не думал, что наяды умеют воздействовать на брачные мозоли шкреков.

– У вас чудесный кабинет, мистер, – девушка глубоко вздохнула, а воздух от излучаемой милоты начал потрескивать. – Но совсем нет секретарши!

Я глотнул газированного сидра, покосился в сторону наяды и представил её Кныш-нышу: – Моя знакомая.

– Дин! – красотка затрепыхала ресничками, – не надо скромничать.

– Результаты есть? – я устремил взор на коллегу.

– Есть, – Кныш-ныш многозначительно покосился на девушку.

– Зая, нам нужна твоя помощь! – я страдальчески изогнул брови.

– У меня нет секретарши, – нашёлся лягуш, – и совершенно некому обо мне заботиться. – Он чуток сполз в кресле и махнул лапкой в сторону коридора. – Креветочка моя, срочно нужно раздобыть грибные капли, иначе будет поздно меня жалеть.

Оставшись со мной наедине, Кныш-ныш пафосным голосом поведал эпичную историю о страданиях и находчивости героического лягуша и его бестолковых помощников. Я узнал, что пересадочной станции «Малые Люляки» больше нет, сама планета в регистраторе корабля не обозначилась, а вблизи системы кипит некая бурная деятельность и согнано множество техники. Слухи о правительственном эксперименте по вакцинации конкурировали со свидетельствами о вторжении подпространственных горбоклюев.

Я укрепился в мысли, что исчезновение планеты – симптом ужасной аферы, и решил наведаться в логово Фшыщмуса, чтобы добыть сведения непосредственно на месте, у владельца.

– Ты кто? – прохрипел динамик над массивной калиткой в знакомом заборе. От недавней прорехи в решётке не осталось следа.

– Специалист по энергоконтролю Дин Кнышкус, – я помахал в воздухе пластиковой корочкой, сварганенной этим утром.

– Назначено? – равнодушно поинтересовался динамик.

– Плановый контроль, – убедительно кивнул я.

– Пошёл вон, – бесцеремонно выплюнул динамик и потух.

Надпись «Скоростная магистраль «Мегакруть» – не тормози!» издевательски сыпала искорками над головой.

– Зая, – проникновенно пропел я в экран. – Здравствуй.

– Дин! – взвизгнула наяда, а затем с некоторой обидой: – Мы в тот раз так быстро ушли, и ты не познакомил меня как следует с твоим замечательным другом.

– Прости, милая, – я старался говорить ласково. – Мы можем сходить вместе куда-нибудь вечером.

– Чудесно! – около экрана воздух аж засветился. – В гости! На вечеринку! – и тут же, торопливо: – Сегодня наша контора получила приглашения на презентацию космотрассы, там будут важные люди и много роскоши.

Конечно, я знал о презентации, которую устраивал Фшыщмус, и именно попытки проникнуть туда вынудили позвонить прелестной специалистке по связи. Я заручился воодушевлением будущей спутницы и снова попытался пообщаться с коварной старушкой-соседкой. Её номер был у меня написан на выдранной из старого зоологического журнала страничке, как раз под изображением жуткого вида твари, похожей на помесь крысы и таракана, попавших в пылесос.

Находясь по ту сторону экрана, старая кошёлка приняла умильный вид и посетовала, что я, холостой парень, совершенно не забочусь о собственном имидже, и, очевидно, моим родителям всё равно. Вот она полагает, что только хорошая жена может меня излечить от дурной привычки не соблюдать режим дня, таскать в гости подозрительных личностей и напоянных зелёной краской толстух. По её драгоценному мнению, та милая девушка прекрасно годится на роль жены и сделает из меня человека, а все эти брыкания – от глупости, потому что я сам не понимаю собственного счастья.

К концу разговора я взмок от бешенства, и, злобно шипя, как змеезавр, вырубил экран. В приступе ярости даже забыл спросить о ключах.

Впрочем, неприятности, несомненно наколдованные этой ведьмой, не заставили долго ждать, и приятная вечеринка очень быстро закончилась для меня нокаутом – во всех смыслах этого слова.

– Он будет жить?! – страдальчески заламывала ручки прелестница с нежным голосом.

Я приоткрыл глаз и обнаружил около кровати трогательную заплаканную наяду и вечно улыбающегося сержанта городской стражи. В дверях маячили силуэты обычных охламонов из той же муниципальной лавочки.

– Будет, – хмыкнул сержант Похс, наблюдая за манипуляциями медика. – Заявление пишем?

– Зацепился за порожек, – голова болела, как наполненная кипятком тыква. – Упал, ничего не помню.

– Так и отметим, – с пониманием кивнул сержант. – Если что-то вспомните, пострадавший, вам придётся явиться в участок самостоятельно.

– Ох, ну что же делать? – мне хотелось кивнуть, но голова опасно булькнула жгучим варевом, и потому я только вяло махнул пальцами. Нужно, чтобы допрос закончился поскорее, и все убралось прочь из моего дома.

– Сержант, это ужасно! – остренький носик девушки покраснел, украшенный блестяшками лиф демонстрировал судорожные подрагивания груди.

– Всё будет хорошо, – успокаивающе погладил её по плечу Похс. – К этому негодяю, чтоб он помер, нужно приложить значительно больше стараний, чем пару тычков по чайнику.

– Я вам верю! – наяда доверчиво прижалась к мощному сержантскому торсу, слёзы сами собой высохли.

А я и в самом деле помнил произошедшее с трудом.

Презентация космотрассы проходила в особняке Фшыщмуса – прихотливо сконструированном здании «а-ля старинная тюрьма», замаскированном нарядными решётками на нарядных же окошках под что-то невинное. Цветные фонарики озаряли готичные силуэты стриженных ёлок и кустов, заставляли блестеть кокарды мрачных, явно однойцевых охранников.

Подогнанный портным Кныш-ныша по фигуре фрак в малиновую полоску сидел на мне, как пластиковый футляр, и когда брюнетистая наядя, колыхая искристым бюстом, вцепилась мне в локоть, рукав отчётливо заскрипел. Мерные движения блёсток на лифе спутницы позволили мне войти в своеобразный гипнотический транс, мы благополучно минули ограду, около которой меня не так давно задержали brave ловцы воришек, и вступили в царство пафосной роскоши и многозначительных бесед.

– Дин Кнышкус, – пожал я тощую ладонь рябого старичка в одеянии, напоминавшем гигантскую балетную пачку, завязанную на шее, – из «Кныш-Ныш Транспортёр».

Не то чтобы я стремился завести знакомства в расфуфыренной толпе дельцов и их прилипал, однако убежать от этого собеседника сразу не получилось.

– Генерал Чечка, – лицо старичка поползло сотней складок, я даже взволновался, что череп в конце концов скукожится полностью, и я останусь один на один с обезглавленным генералом. Расползание остановилось вовремя. – Все вы, транспортники, взволновались из-за «Мегакрути», – хихикнул старичок.

Он плотоядно сверкнул глазками в сторону моей спутницы, рядом материализовался официант с высокими бокалами на подносе. Наядя захлопала ресничками и вцепилась в тонкую ножку.

– Как вы думаете, Дин... Шикус? – в нашу маленькую компанию беззастенчиво втёрся здоровенный тип с острым мохнатым рылом. Пахнуло чесноком и мокрым деревом.

– Кнышкус, – нервно поправил я, держа выбранную роль.

– Кнышкус, – клацнул резцами тип. – Как вы думаете, гравитационные аномалии из-за эффекта Сфинкстера-Колбина могут нарушить кристаллизацию мегаториуса линейной сети?

– Несомненно, – отступать было некуда. – Кристаллы иногда квитируют, даже когда всё в порядке, и мегаториус э-э-э-э...

Серая шерсть на лбу моего собеседника встопорщилась. Надеюсь, он не собрался спрашивать меня про...

– Квитируют?..

Так я и думал. Чем удобна наука, это тем, что в ней всегда есть местечко для новых, совсем свеженьких слов.

– Ну да, – я поставил бокал на поднос скользящего мимо официанта-лягуша и помахал пальцем: – Флип-флоп, флип-флоп. Динамическая квитируция.

Мне удалось улучшить момент и ускользнуть от подзависшего любителя «Сфинкстера-кого-то-там-ещё» якобы в уборную. Моя сияющая брюнеточка уже щебетала с каким-то хлыщом в голубом латексе, и я порулил мимо незнакомых лиц и рыл, сквозь густой раствор из кивков, бокалов, болтовни, умных бесед о нелинейных коридорах и налогах на перевозку живой органики – в сторону служебного входа в закрытую часть особняка.

Наткнулся на взгляд громилы-охранника: он материализовался, словно специально чтобы поугагать меня – перед самым носом.

– Простите, а где тут уборная? – захопал ресницами теперь уже я, изображая лёгкую степень дебильности, не позволяющую распознавать пиктограммы на указателях.

Охранник молча ткнул мне за плечо. Я обернулся. Как раз на подиуме заканчивался танец труппы самочек шкреков, и гостям начали демонстрировать ролики об экономических и эстетических достоинствах новой трассы «Мегакруть», световые эффекты погрузили зал в мерцание. Палец громилы указывал налево, куда мне было совсем не надо.

Впрочем, я направился именно туда, продефилировал мимо и выбрался на веранду особняка. В пёстром месиве делового народа мой одолженный у Кныш-Ныша костюм в малиновую полоску выглядел даже элегантно, потому никто не косился на дышащего свежим воздухом хлыща и никто не встревожился, когда я растаял в еловой тени.

Каморку садовника я отыскал не сразу – успел влезть подошвой в компост и порвать штанину о замок. Собственно, именно так я и нашёл заветную дверцу – по замку, дёрнувшему за штаны. Как я и думал, комнатку никто не охранял, зато в ней обнаружился проход во внутренний коридор особняка. Проникнуть в логово Фшыщмуса было уже делом техники.

Лучик фонарика дрожал на распечатке плана здания, взятом из Сети. Я прикинул, что приёмная Фшыщмуса находится этажом выше, а лестница через два поворота, скомкал план, сунул в карман брюк и, прижимая снятые ботинки к груди, поскользился по полированному паркету к цели. Компост на подошве пованивал. Я едва успел спрятаться под лестницей, заслышав взволнованные голоса.

Ступени над головой заскрипели, и я плотнее вжался в стенку шкафчика со швабрами.

– ...нездоровое движение, – голос одного из говоривших – вальяжный и густой, словно урчание сытого змеезавра, заглушал второго собеседника.

Они прошли прямо над моей головой.

– Ваши люди, Чечка, – продолжил владелец баса, отвечая на неразборчивое лопотание. – Сразу после похищения к нам ломился фальшивый инспектор энергоконтроля. Вы понимаете, генерал, о чём я?

Я вытянул шею и поглядел из-под лестницы вслед удаляющейся парочке. Фигура поменьше, тонушая в облаке гигантской балетной пачки, принадлежала старичку из зала, а его собеседник, похоже, и был тем самым Фшыщмусом. Со спины я не мог сказать этого точно, однако комплекция, как у заградительного голема, давала девяностопроцентную вероятность того, что это хозяин особняка собственной персоной.

Дождавшись, когда они скроются за углом, я взлетел по зеркальной лестнице красного камня наверх и помчался в конец короткого коридора, к вычурным дверям, явно главенствующим на этаже.

Чуть не проехав по паркету мимо, я вдруг понял, что забыл туфли под лестницей. Отмычка в пальцах задрожала. Вернуться за вещами необходимо.

Механизм замка приятно слушался, приводя свои бороздки и язычки в нужные позиции, и я решил, раз пока всё складывается благоприятно, надо брать шкрека за шпоры и продолжать.

Замок мягко клацнул, пружина ручки стала податливой, бесшумно распахивая огромные тяжёлые двери.

Я скользнул в полутёмный проём и замер.

– Так-так, а ты кто такой? – прелестница с чёрной, как делишки Фшыщмуса, кожей, уставилась на меня янтарными глазами. Девица была одета во что-то, напоминающее бусы, причём я бы не сказал, что они прикрывали хоть что-нибудь.

Подсвеченная снизу гладь бассейна размером с вертолётную площадку зарябила от смеха других красоток – числом никак не меньше тридцати. Я огляделся, вероятно, вид у меня был диким, ведь рабочий кабинет в моих представлениях выглядел несколько более... рабочим!

– Вы не скажете, как пройти в библиотеку? – ляпнул я и уставился во все глаза на позмеиному пёструю шкурку девицы, с шумом вынырнувшей у моих ног.

– В три часа ночи! – захихикала змеекожая и упала обратно в бассейн, продемонстрировав острые соски и узкую ямочку пупка, а напоследок хлопнув по воде хвостом. Я подскочил, как ошпаренный:

– Девочки, безумно приятно так ошибиться, но мне пора... в библиотеку.

– Макс тебя проводит, – чёрненькая томно потянулась и многозначительно улыбнулась. Гарем дружно залопотал, а я обернулся – предчувствия были самые нехорошие.

Макс, огромный шерстистый тип, перешагнул порог – глазки его светились кровавым. Мне показалось, что каменные изразцы пола жалобно хрустнули.

Конечно, ситуация требовала героически сразиться красноречием и Макса, и гарем, однако в тот момент голос решил ретироваться раньше меня, потому я придушенно пискнул и свалился в воду.

Штаны вздулись парусами, я отчаянно грёб к противоположной стороне, слыша за спиной рёв и фыркание. Вывалившись животом на ажурный бортик, я пополз, как тюлень, вода с лацканов и отворотов текла ручьями.

– Туда, – махнула ладошкой змеекожая и указала в угол. – Беги, храбрый самоубийца. Давно никто не рисковал, чтобы поглядеть на нас.

Я не стал разочаровывать дамочку – лучше прослыть исследователем чужих гаремов, чем чужой секретной переписки, потому через маленькую дверь вывалился на террасу, и, перескакивая через кушетки и подушки-валики, помчался к её краю.

Внизу мрачно вырисовывались ёлки и кусты заднего фасада особняка. Я обернулся, чтобы найти что-то подходящее для организации спуска, и встретил лицом огромный стремительный кулак.

Далёкие фонари размазались полосами, я перевалился через балюстраду, пролетел метров пять и рухнул в пахнущие чесноком и мокрым деревом объятия.

– Коллега! – пробасил на ухо знакомый голос. – А я вас везде ищу насчёт квитируляции. Я схватился за разбитую челюсть и застонал.

Ухромал я из гостеприимного дома живым, хотя и избитым. Больше всего болела гордость даже не из-за репутации, сколько от осознания проваленной операции. План чёртового особняка никуда не годился, а свою рожу я засветил по полной. Надеюсь, Фшыщмус не обнаружит, что «фальшивый инспектор» и «любитель гаремов» – одно лицо.

Сейчас, лёжа в постели с компрессом на лбу, я чувствовал благодарность к своей воркующей со стражником спутнице-наяде за то, что оказался дома, в кровати. Терпение увенчалось радостью, когда посетители, включая доктора, удалились и оставили меня в благословенной тишине.

* * *

Дверной звонок вырвал из забытья.

Голова ещё помнила вчерашние побои, и разум в кои-то веки оказался солидарен с чувствами, что тот, кто ждал у двери, переживёт моё неявление.

– Идите к чёрту! – вяло выкрикнул я в ответ на повторный звонок. Челюсть болела и казалась разболтанной, как старая калитка. Настроение было мерзким.

Я услышал щелчок, и через полминуты на пороге комнаты возникла соседка-сватья.

– Изыди! – простонал я и замахал руками.

– Тише, – покачала она головой и поставила на стол корзину. – Кричать вредно. Некому о тебе позаботиться, как я погляжу.

Она деловито расстелила салфетку, поставила чашки, чайник, ещё какую-то посуду.

Я с удивлением понял, что соседка принесла завтрак.

– Прошляпил ты своё счастье, – старушка снова покачала головой, улыбка утонула в морщинках усатой мордочки. – Твоя дева-то с другим ходит.

Я пожал плечами и отпил чаю.

– И давно у вас ключи от моего дома? – поинтересовался, наконец.

– Давненько, – закивала старушка. – Мне доступ ещё предыдущий владелец оформил, у него карликовые панголины тут жили. – Кошёлка ткнула пальцем в приклеенную на стену

страницу журнала с её телефоном. – Он как в командировку ехал, так и просил за ними присматривать. – Она мечтательно призадумалась. – Хороший был человек, строитель. А как их сорвали дорогу эту звёздную строить, так и уехал, и панголинов своих продал. Говорит, работа большая – планеты двигать и пространство выпрямлять. Доступ-то отменить он и позабыл, а почему городской администратор ушами хлопнул, откуда ж я знаю? Я и не вспоминала, да только дева уж больно твоя понравилась, ласковая, красотка. Негоже такому парню, как ты, холостому быть, вредно это. Дай, думаю, помогу. Гляжу – работает доступ-то!..

Дальше я уже не слушал. Внимание привлекла одна деталь в рассказе бабули.

– Что они там, в космосе, делают? – уточнил я. – Планеты двигают?

Внутри отдающейся болью головы закрутились колёсики.

– Да двигают, голубчик, – старушка подёргала носом и тревожно поглядела чёрными бусинками глаз: – Приляг, тебе волноваться вредно.

– Я не сомневалась в вас! – мадам Кокушек сияла от радости. – Я так счастлива!

Не знаю, насколько была счастлива она, а вот семья племянника, что пробовал избавиться от назойливого внимания пылкой тётушки, однозначно счастья не испытывала.

Когда строительная корпорация известила немногочисленных жителей Малых Люляк, что для прокладки звёздной магистрали планету перенесут в другую систему, и заранее выдала координаты, далеко не все жители сообщили о новом адресе родственникам и знакомым. Кто-то воспользовался возможностью «затеряться», пока планета не проиндексировалась в новых каталогах. Не всегда успешно. Придётся племяннику Кокушек ждать другой okazji либо изобретать нечто новое, чтобы энергичная тётка его не нашла.

Я, испытывая удовлетворение, проверил округлившийся счёт на карте, потянулся и услышал звонок в дверь. Кто бы это мог быть в такое время?

С порога остро глянули подозрительные глаза над веером вибрисс.

– Ну фто смотриф? Дело ефть...

Сок одуванчика

Снег пеленой курился за автодреем. Эрна визжала, её серые глаза смеялись. Маску и стяжку капюшона облепило инеем. Женщина вцепилась в рифлёные поручни, и Кайл почти не боялся, что она вывалится.

Красные «сани» мчались по склону, вихляли меж зелёных глыб льда. В воздухе плыли снежинки, в небе радужным гало размазалось солнце. Космокатер «Близнец-1», привёзший их сюда, давно пропал из поля зрения – но уверенно держал сигнал.

Зелёное небо, зелёный лёд, радуга и безумная радость скорости.

Кайл отряхнул перчатку от комьев снега и дал сигнал тормозить.

Автодрей протащился ещё двести метров и замер, зарывшись носом в сугроб. Поле антигравов вдавилось куполом в снежный нанос, сине-зелёная тень светилась кружевом.

– Замечательно, капитан Кайл! – Эрна стянула маску, раскрасневшиеся нос и щёки делали её похожей на девчонку, из-под капюшона выбился одуванчиковый локон.

– И ведь всё равно «капитан!» – для Кайла сейчас не было ни «капитана», ни «врача» – лишь «он» и «она», Кайл и Эрна. Формальность казалась ему несовместимой с прелестью прогулки по Ниобе, планете давно известной, но необжитой. Кислородная, покрытая километровой толщей чистой «ашдвао», Ниоба полмиллиона лет назад растеряла тепло, и сейчас могла бы стать зимним курортом галактического масштаба. Полезных ископаемых нет, живность крохотная, агрессивное обжигающее солнышко, гладкие монолитные поля снега в кристаллических выступах льда и минус пятьдесят по Цельсию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.